

ОЛЬГА НИКОЛАЕВА

16+

БУДЕТ ТАК,
КАК Я ХОЧУ!

Ольга Николаева

Будет так, как я хочу!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67753457

SelfPub; 2022

Аннотация

Глеб Ольховский пришел в мою жизнь и стал ее смыслом.

Подарил мне любовь, надежду и веру в то, что счастье возможно даже для меня, Анастасии Астафьевой.

Но злая ошибка судьбы заставила нас расстаться. Он сказал, что больше никогда не вернется. Мой отец запретил нам и близко друг к другу подходить.

И теперь я должна выйти замуж за незнакомца, забыть о любви и счастье, потерять веру в лучшее. Мой ребенок никогда не увидит своего настоящего отца. А Глеб не узнает о том, что стал папой.

Но я продолжаю верить, что однажды он сделает все, чтобы мы были вместе!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	46
Глава 11	51
Глава 12	56
Глава 13	62
Глава 14	66
Глава 15	71
Глава 16	78
Глава 17	85
Глава 18	89
Глава 19	95
Глава 20	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ольга Николаева

Будет так, как я хочу!

Пролог

Этот день стал новой точкой отсчета. День, когда исчезла я, прежняя, не совсем наивная девочка, но еще не потерявшая веру в чудо. И появилась я – новая, не знающая никаких чудес.

Но тогда еще было рано знать и думать об этом. В голове крутилась одна-единственная фраза. Молотком стучала в виски, иногда стихала до шума падающих капель, потом начинала греметь набатом.

– Не придет. Он больше не придет. Никогда не придет. – На разные лады и интонации. Словно, повторяя сотни и тысячи раз, я, наконец, смогу принять ее смысл.

Не придет никогда. Человек, воплотивший в себе весь мой мир, все надежды, мечты и радости. Заменявший семью, заставивший забыть. О матери, от которой в памяти и осталась лишь горькая обида, об отце, желавшем дать мне все, но не давшем самое главное, о бабушке и крестной... Я от всех отказалась, чтобы быть только с ним. И он дал мне все, чего раньше так сильно не хватало: позволил любить, не думая о рамках и условностях, позволил жить, чувствуя себя люби-

мой. Заставил мечтать о семье с ним, большой и дружной, счастливой и полной семье...

А сегодня он сообщил, что не придет больше. А если бы я не сбежала с последней пары, чтобы увидеть пораньше, то и этих слов не услышала бы.

– Глеб, что случилось? – застыла у дверей, как вкопанная. Он еще не должен был находиться дома. Я надеялась, что смогу его встретить с работы.

– Настя? Почему ты здесь? – Глеб поднял голову от сумки, в которую складывал вещи. Что-то пытался утрамбовать покомпактнее, а оно никак не хотело влезать.

– Глеб, куда ты собираешься? – ответ на мой вопрос услышать было куда важнее, чем рассказывать про ненужную и скучную лекцию, идти на которую не захотела.

– Я ухожу. – Не глядя в глаза. Нарочито внимательно оглядывал прихожую. Словно искал, не забыл ли чего. А я уже видела – ничего не забыл. Глеб умеет все делать хорошо и качественно.

– Куда уходишь? Зачем? – еще не понимая значения этих слов. Надеюсь, что просто в поездку срочную сорвался.

– Я понял, что больше не хочу быть с тобой. Поэтому ухожу. – Наконец, он посмотрел прямо на меня. Но лучше бы этого не делал. Вместо любящих, нежных, горячих глаз я увидела холодные, потухшие. Будто пеплом присыпанные.

– Как это... что значит... О чем ты говоришь, Глеб?! – может быть, стоило броситься ему на шею, плакать, угова-

ривать... Возможно, поведи я себя иначе, он бы еще передумал... Но я все так же стояла на месте. Не способная двигаться, чувствовать, думать. Понимание, что это конец, уже накрывало потихоньку. Но я все еще продолжала надеяться... на что – неизвестно.

– Я не приду больше, Настя. Вот ключи от квартиры. Она оплачена еще на три месяца вперед. Больше не смогу, извини. Это время можешь здесь жить спокойно, а там придется самой подумать...

Глеб подошел ко мне практически вплотную. Но не обнял, не поцеловал, как всегда делал раньше. Просто отодвинул в сторону, как неживую. Я ему мешала обустраиваться.

Прислонилась к стене, понимая, что еще немного – и рухну. Ноги не держали совсем. Очень хотелось сползти на пол... нет, не для того, чтобы в ногах у него валяться. Просто свернуться бы калачиком... Но остатки гордости не позволили.

Глеб методично шнуровал кроссовки, потом застегивал куртку, похлопал по карманам по привычке... Все так спокойно и обыденно, будто в магазин собрался и через полчаса вернется.

– Ну, давай, Настя. Не грусти. – И поцеловал в лоб, словно покойника, прости Господи.

А я не сильно-то от покойника и отличалась.

Глава 1

Он был первым, кто подошел, взял меня за руку и сказал:

– Я вижу, тебе здесь не нравится. Пойдем отсюда. – И увел, не спросив согласия.

Не знаю, каким образом Глеб затесался на вечеринку моих однокурсников. Он был старше нас всех, серьезнее, и совсем ни на кого не похожим.

Я скучала в этой компании, впрочем, как обычно. Пить нельзя – отец не поймет, если вернусь домой пьяная. Понять нетрезвых друзей и разделить с ними развлечения – невозможно. Оставалось только притворяться, что пью, и что мне так же весело, как и всем. Это была моя плата за возможность быть немного похожей на ровесников, не сидеть в четырех стенах отцовского дома, а общаться с «друзьями».

– Зачем ты здесь? – задал вопрос, помогая натянуть рукава куртки. – Зачем тратишь время?

– А ты зачем? – я заметила его еще раньше. Глеб сидел на диване, почти ни с кем не общался. Хладнокровно наблюдал за творящимся безобразием, но не участвовал в нем никак. Как будто крупный черный ворон случайно приземлился в стайке воробышков.

– Чтобы забрать отсюда тебя. Это же очевидно. – Не замечала, чтобы он хоть раз посмотрел на меня с момента, как появился. Сама же украдкой бросала взгляды, очень стара-

лась, чтобы не увидел этого.

– Врешь. – Замотала шарф, сама толкнула дверь. Не позволила ему проявить галантность.

– Естественно.

Он шел за мной следом по лестнице. Весьма неудобно выворачивать шею, чтобы оглядываться и смотреть в глаза. Я остановилась. Развернулась и голову задрала. И так высокий, он казался еще выше, стоя на пару ступенек надо мной.

– Что «естественно»? Зачем ты забрал меня оттуда и куда ведешь?

– Естественно – то, что пришел сюда по своему делу. Зачем – уже сказал, чтобы ты не умерла здесь от скуки. Будет жаль, если мир потеряет такую красивую девушку. Кстати, я – Глеб. А тебя как зовут?

– Ты обо мне вообще ничего не знаешь?

– Уже очень многое... – Одним шагом преодолел расстояние между нами, склонился над ушком, обдав кожу горячим дыханием. – Рассказать, что именно?

Со мной так никто никогда не разговаривал. Все знали, что к Насте Астафьевой нельзя приближаться больше, чем на полметра. Откуда у парней взялось такое предубеждение – понятия не имею. Я никого не гоняла. Но ни один не приблизился, как бы мне этого ни хотелось.

А этот – раз, и уже дышит мне в шею. Так, что ноги подкашиваются, а по спине пробежал предательский волнующий холодок. Ноздри раздулись, втягивая безумно приятный аро-

мат парфюма. Неизвестный мне, но такой тревожащий...

– Расскажи, будь добр... – Хорохорилась, хотела тоном показать, что плевать на его близость. А руки чесались вцепиться в полы его пальто.

– Ты очень одинокая. Тебе плохо среди этих людей, но других нет. Поэтому ты находишься с ними... – говорил приятным голосом ужасно больные вещи. Неожиданно прервался: – Так как тебя зовут, одинокая девочка?

– Настя... – дать бы ему пощечину за наглость. Но за правду не бьют. Эту истину отец заставил усвоить с детства.

– Не нужно быть одной среди толпы, Настя.

– Ты можешь предложить альтернативу?

– Конечно. Со мной тебе не будет одиноко. Никогда. Обещаю. – Он так же резко, как приблизился, теперь отстранился. Взял меня за руку, повел вниз по лестнице.

– А как будет?

– Как захочешь, так и будет. – Ни тени сомнения не возникло, когда я слушала этого малознакомого человека.

Он стал для меня целым миром. А потом взял – и ушел.

Глава 2

– Стой. Не дергайся, а то хуже будет! – кто-то выпрыгнул из темноты, схватил за шею, второй рукой заткнул мне рот. Я послушалась. Скорее, на автомате, чем от испуга. Весь последний месяц я жила с ощущением, что хуже быть не может. Поэтому угроза нападавшего не сильно-то и подействовала.

Но инстинкт самосохранения оказался сильнее. Стояла, как вкопанная, и не двигалась. Вот прямо на полушаге и застыла.

– Молодец. Хорошая девочка. – Незнакомый потрепал меня по щеке, а потом огладил рукой все тело. Похабно так, не скрывая интереса. Господи, если меня еще изнасилуют в темной подворотне – это будет окончательным дном. После которого можно сдохнуть, ни о чем не жалея.

– Что вам нужно? – просипела, с трудом протолкнула вставший в горле комок.

– Я бы тебя поимел, конечно... – грубый голос выразил сожаление. Руки незнакомца продолжали плотно прижимать меня к его телу и тискать, словно куклу. – Но сейчас есть дело поважнее.

Слегка отпустило. Значит, насиловать или убивать не будут. Грабить, наверное, тоже. Грабитель уже дал бы по голове посильнее, забрал сумку с телефоном и убежал.

– Готовь бабосики. Будешь хахаля своего выручать. – От-

кровенная издевка. Еще более унижительная, чем его похабные движения.

– У меня нет хахаля. И бабосиков нет, тем более... – чистую правду сказала. Даже не пришлось притворяться.

– Кому другому расскажи. Здесь все написано. Сколько, когда и куда нужно принести. – Он разжал мою ладонь, крепко стиснутую на ремне сумочки. Засунул в нее какую-то бумажку, и зажал мои пальцы своими. Так, чтобы не выпала.

– И даже не думай никому жаловаться! Хуже будет. – Фраза, сотни раз виденная в кинофильмах. Никогда бы не подумала, что мне ее лично кто-то скажет. – Все. Свободна.

Унижительный шлепок по ягодицам придал мне ускорение. Резко отпущенная из захвата, не успела сориентироваться и шлепнулась на колени. Прямо в грязную лужу, присыпанную опавшей листвой.

Очень хотелось прямо там и остаться, размазывая слезы и жалея себя. Последнее унижение словно пробило брешь в самообладании, которым я только и жила все последнее время.

Но грубый издевательский хохот будто придал новых сил. Поднялась, даже не отряхиваясь, с гордо поднятой головой пошла к дому. Под ноги не смотрела уже – ни к чему. Грязнее и несчастнее стать было невозможно.

Только закрыв двери на все замки, скинув грязную одежду прямо на пол в прихожей... наверное, никогда уже больше не смогу ее надеть. Никакая стирка не отмоев ее от грязных

прикосновений незнакомого ублюдка... Только тогда смогла взглянуть на скомканный лист бумаги, весь в разводах от мутной воды из лужи.

Всего несколько строк: цифра, от которой захотелось зазмуриться; я никогда такие суммы в руках не держала, и даже не думала, что когда-то смогу, шестизначная. Адрес, который ни о чем не говорил. И дата: уже завтра, в полночь. Указанную улицу и дом нашла на карте: какая-то жуткая окраина города, куда нормальные люди по своей воле не пойдут ни за что.

Долго смотрела на этот лист, не понимая, что делать дальше. У меня нет этих денег, и никогда не будет. Не говоря о том, что Глеб в моих «хахалях» уже не числится, и вышел из списка по своему собственному желанию. Пусть разбирается сам со своими проблемами. Я ему ничем уже помочь не могу. Хоть сердце и рвется на куски от желания рвануть к нему, забыв об обидах и непонимании. Страшно другое: скорее всего, от меня теперь тоже не отстанут. Отключила телефон, ноутбук. Даже провода из сети выдернула. Закрыла все шторы в доме. Но легче не стало, ничуть.

В душе отмывалась так, будто жесткой мочалкой возможно выскрести все гадкие воспоминания. Кожу содрать можно, а вот мысли – нет.

Ночь провела, ворочаясь, даже не надеясь на сон. Нормальные идеи в голову не приходили, только какая-то безнадега. За что? За что мне это все? А хуже всего, что снова

вернулись мысли о Глебе. Ведь научилась же как-то жить без него. Не вспоминая, не думая, не ища ответы на вопросы, которые только множились в голове. Интересно, если таким образом загреметь в дурдом, там от меня отстанут?

Утро встретило дверным звонком. Стало еще страшнее. Ко мне никто не приходил за время вынужденного одиночества. И сегодня гостей не ждала. Долго подкрадывалась к двери, не включая света. Боялась выдать свое присутствие в прихожей.

Но я старалась зря: в щель под дверью кто-то просунул белый прямоугольник. И исчез, наверное. Потому что взгляд в глазок ничего не дал: лестничная площадка была пустой и безмолвной.

Эта бумажка на полу казалась ядовитой тварью, которую трогать голыми руками нельзя. Надела перчатки. В другое время, наверное, от души посмеялась бы над собственной осторожностью. Но сейчас она была просто необходимой для спокойствия.

Большая фотография, на весь лист альбомного формата. Глеб. Привязанный к стулу, в кровоподтеках и синяках. Голова безвольно опущена. Но спутать ни с кем нельзя: очень узнаваемый шрам под ребрами. Кривой, неровный – результат труда провинциальных эскулапов.

На обратной стороне – короткая приписка печатными буквами. «Еще нужны аргументы? Ты станешь следующей, если будешь долго думать. Каждый день промедления – плюс

десять процентов к сумме и минус пара лет из жизни хахаля. Когда он сдохнет, придем за тобой»

Господи. Глеб, куда ты вляпался? И почему они решили, что я могу достать эти деньги откуда-то?

Даже если на панель пойду – пара лет понадобится, чтобы их заработать. А с моей зарплатой продавца сим-карт, и пара десятилетий.

Думай, Настя, думай. Как-то надо выкручиваться. И на любой вопрос всегда существует ответ...

Набрала один-единственный телефонный номер, на который когда-то звонить зарекалась. Утро раннее, может и не услышать... Но я упорно жала на вызов, слушая длинные гудки, а потом механический голос автоответчика. Уже совсем отчаялась, когда услышала сухое и насмешливое:

– Ну, надо же... А я думал, никогда не дождусь...

Глава 3

Ничего другого я и не ждала. Да и права на другой ответ не имела. И когда-то решила для себя, что никогда и ни за что этот номер не наберу. Но жизнь, похоже, очень любит тыкать нас носом в наши «никогда» и «ни за что»...

– Папа. – С трудом победила сухость во рту, мешавшую даже языком пошевелить. – Здравствуй.

– И тебе утро доброе, Настя. – Все так же холодно и по-деловому. И тишина. Никакой попытки сделать шаг навстречу, облегчить мне этот разговор. Собственно, я на это права и не имела. Сама оборвала все нити – самой их снова и привязывать.

– Папа... Прости, что вот так... – собралась с духом, даже глаза прикрыла. – Мне очень нужна твоя помощь, папа!

Где-то в глубине души была готова к его насмешкам и упрекам. К тому, что выскажет все о моей неблагодарности и наглости. О том, что об отце вспомнила, лишь когда жизнь к ногтю прижала. И он был бы прав. Абсолютно прав.

Вместо этого услышала отрывистое:

– Будь дома. Жди меня. И никому не открывай. Ведь ты же там... в этой вашей квартире?

– Да, пап...

– Все. Скоро буду. На месте разберемся.

– Спасибо, папочка!

Он ничего не ответил, только вздохнул тяжело. И повесил трубку.

А я... я позорно разрыдалась. От облегчения, что больше не одна.

К приезду отца успела успокоиться и умыться. Даже поставила чайник. Наверняка, он даже не успел позавтракать. Хотя чаем напою, хотя вряд ли ему понравится мой – самый простой и дешевый, в пакетиках. Но, как говорится, чем богаты, тем и рады.

Не знаю, откуда ему стал известен мой адрес. Квартиру мы с Глебом сняли, когда я уже поссорилась с отцом и ушла в неизвестность, гордо хлопнув дверьми. Первое время перекантовывались у друзей и знакомых, пока не нашли подходящий вариант. И никому о нем не говорили: не хотели ни с кем делиться тем счастьем и покоем, что царили в нашем уютном гнездышке. Или это мне так казалось, а у Глеба были свои причины?

– Дочь, я сейчас поднимусь. В дверь постучу, тогда откроешь. В подъезд не выходи. – Папа позвонил, уже подходя к дому. Я из окна увидела машину, а потом и его самого – идущего твердой, уверенной походкой человека, знающего все о жизни.

– Папа... Привет. Проходи... – очень хотелось обнять и прижаться сильнее. Спрятаться у него на груди, как иногда это делала в детстве. Редко такое случалось, но помнилось замечательно.

– Здравствуй, Настя. А где... этот? – неприязнь в его голосе была такая густая, что можно было бы потрогать, на-верное.

– Мы расстались. Больше месяца назад. – Получилось выговорить эту фразу спокойно, без надрыва.

– Отлично. – Папа – он такой, как всегда. Неважно, что я страдала по этому поводу. Главное, что Глеб ему не нравил-ся. – Так что случилось? Рассказывай?

– Ну, ты пройди сначала. Я тебе чай налью, как раз и покажу все.

Не стала делиться с ним обстоятельствами, при которых получила первую записку. Просто положила перед ним на стол эту грязную и мятую бумажку.

Он внимательно изучил, не притрагиваясь.

– Похоже на дурацкий розыгрыш. Это все?

– Нет. Сегодня под дверь еще вот это просунули. – Вто-рой лист, на всякий случай, я запихнула в прозрачный файл. Чтобы не оставлять своих отпечатков. Возможно, глупо... Но кто знает?

Отец помрачнел, разглядывая фото, а потом обратную сторону листа, с текстом. Чай отхлебнул на автомате, даже не сказал ни слова про его качество. Забавно, но мне стало легче от этого. Претензии к своей бедности я бы сейчас не пережила.

– Я знал, что с этим ублюдком не стоит связываться. Но ты считала себя умнее, Настя. – А, нет. Претензии были, просто

более серьезные.

– Пап, пожалуйста... – не знаю, о чем конкретно просила. Наверное, чтобы смилостивился.

– Собирай вещи. Тебе здесь нельзя оставаться.

Не перечила. Только обрадовалась. Я бы здесь просто с ума сошла, сидя в страхе, неизвестности и одиночестве.

Собирать-то и нечего было, особенно. Я ушла из родительского дома налегке, с гордо поднятой головой. А новые вещи приобретала только по необходимости. Все приданое влезло в один большой пакет. Спортивную сумку, купленную одну на двоих, уже забрал Глеб.

– Не грусти, дочка. Со всем разберемся. – Наконец-то, отец проявил хоть какие-то чувства: обнял меня за плечи, прижал к себе со всей немалой силой, второй рукой взломал голову. – Я же рядом, а это значит что?

– Что все будет хо-ро-шо! – вспомнила нашу любимую перекличку из детства. Смахнула с глаз непрошеную слезинку. Носом шмыгнула...

– Так. Не дрейфь. Ничего страшного не случилось. А если этому... бывшему твоему... и досталось на орехи, так ничего, не помрет. Мужикам иногда полезно быть битыми. Начинают мозгами думать, а не другим местом.

Глава 4

Отчий дом показался мне тихой гаванью и надежным пристанищем. Совсем недавно казалось, что я больше никогда не перешагну его порог – ни по своей воле, ни под давлением. А вот на тебе – вернулась, и даже обрадовалась этому. В жизни еще ничего не изменилось, и проблему с Глебом и деньгами еще не решил никто. Но родные стены казались в тот момент самыми безопасными.

– Сегодня дома сидишь и никуда не выходишь. Дальше посмотрим по ситуации. – Отец, как обычно, командовал и распоряжался. Но сейчас я не имела никакого права спорить и огрызаться.

– На работу надо позвонить, предупредить... – опомнилась, начала искать телефон по карманам.

– Про работу свою дурацкую тоже забудь. Она тебе ничем не поможет. Даже на еду нормальную заработать не в состоянии. – Значит, все-таки, заметил и дешевый чай, и практически пустые полки на кухне.

– Мама, Настя вернулась! Выходи, завтракать будем. – Зычным голосом он окликнул бабушку. Та любила смотреть телевизор погромче и почти никогда не слышала ничего происходящего в доме. Приходилось всегда кричать, чтобы внимание обратила.

Дверь в дальней комнате стукнула, из нее вылетел малень-

кий сухощавый ураган. Дальше были объятия, причитания, поцелуи, снова причитания. Еле вырвалась из родных рук, чтобы хоть нормально поздороваться. Закусила губу, чтобы не расплакаться. Но глаза предательски намокли.

– Что же ты, деточка моя, так исхудала? Разве можно так себя доводить? Ну-ка, пойдем быстрее, будем тебя откармливать! – бабуля, хоть и сурового нрава, любила меня до беспамятства. Так, что это порой переходило все грани. Дай волю – она бы к нам с Глебом в постель заглядывала, чтобы проверить, удобно ли мне лежится... Но ссора с отцом нарушила нашу связь. В тот раз бабушка тоже заняла его сторону, чем лишила меня последней веры и надежды на чудо.

– Мам, давай, вы потом наговоритесь? – отец прервал наши излияния чувств. Он очень всего этого не любил. – Мне нужно быстро поесть и убежать. Дел неупрочот. Да еще и Настасья забот подкинула.

Вот так – всегда. Что бы ни приключилось, он всегда находил повод в чем-то меня упрекнуть. Даже когда по делу что-то предъявлял, от этого становилось больно.

– Ну, пойдемте. Там уже все остыло, наверное. Но я разогрею, быстренько. – Бабушка, взяв меня за руку, словно боялась снова потерять, шустро посеменила на кухню. – А ты, Денис, с Настей не говори так! Будто сам не был молодым. И мне седины не добавил.

Она зыркнула грозно из-под седых бровей. Так, что любой другой растерялся бы. Но только не отец. У него взгляд был

похлеще бабушкиного.

– Вот потому и говорю, что знаю, до чего глупость и бесшабашность может довести! И Насте таких ошибок в жизни не надо!

Это был запрещенный прием. И все об этом знали прекрасно. Поэтому замолчали, каждый уткнувшись в свою тарелку. Бабуля – в свою чашку с любимым травяным чаем.

Ошибка в жизни, надо так понимать, – это я. Анастасия Денисовна Астафьева. Рожденная Астафьевой Мариной по залету, и почти сразу же ею брошенная на шею папы. Папа эту ошибку признал, а потом всю жизнь старался исправить. Вот только, дети, в отличие от других ошибок, ластиком не стираются и кнопочкой «делит» их не удалишь. Остается только вкладывать все силы в их воспитание и беречь от подобных же проколов.

Мама и вовсе поступила просто: меня отцу спланировала и унеслась в неведомые дали. Появлялась раз в пятилетку, дарила подарки, опоздавшие на несколько лет, вытирала невидимые слезинки... Сообщала, что очень своею дочерью гордится, и снова исчезала надолго.

Не могу понять одного – почему отец с нею так и не развелся. Мог бы свою жизнь попытаться устроить... Хотя... За это я ему благодарна: потерю отца, ушедшего к другой женщине и в другую семью, перенести не смогла бы.

– Папа... если ты не хочешь заниматься моими проблемами, так и скажи... – Не выдержала, все-таки. Не могу пере-

носить, когда тыкают носом в мое нежеланное появление на свет.

– А разве я сказал такое когда-нибудь? – отец вздохнул, поднимая на меня тяжелый взгляд.

– Ну, ты про ошибки молодости всегда неспроста начинаешь...

– Я их наворотил, мне последствия и разгребать. Угомонись, Настя. И лишнего не придумывай. Ты – моя дочь, и об этом я никогда не жалел. – Он встал из-за стола, уже на ходу прощаясь. – Мама, спасибо, все очень вкусно. Проследи, пожалуйста, чтобы эта пигалица никуда из дома не усвистала.

– Пап, а ты мне сообщишь, когда станет понятно, что можно сделать? – я рванула за ним. Спрятаться дома – это, конечно, классно. Но ведь Глеб еще где-то сидит, избитый и связанный, а мы еще ничего для него не сделали.

– Когда разберусь, тогда и скажу. – Он опять был суров и непреклонен донельзя. – А пока выключи телефон. А лучше – отдай-ка его мне.

– Но... Зачем? И как я буду без него? – не понравилась эта идея совсем. Словно первоклашку наказывал.

– Затем. Чтобы не было искушений включить его и кому-то звонить. Или на звонки отвечать.

Вздохнула. Не та ситуация, чтобы капризничать и доказывать свое право на самостоятельность. Я это право профукала окончательно, как только о помощи попросила.

Отец забрал телефон, рассмотрел заставку – а там была

полная чернота, вместо нашей с Глебом фотографии, невесело ухмыльнулся.

– Планшет и ноутбук – тоже сюда носи.

– Но, пап..

– Никаких «но». Делай, что велено!

– А чем я заниматься буду целый день? – вообще не могла представить, как можно остаться без гаджетов до самого позднего вечера.

– Бабушке помощи. Научись у нее носки вязать. Может, когда-нибудь пригодится...

Бабушкины носки были притчей во языцех для всех наших родственников. Она вязала их с какой-то невероятной скоростью и одаривала всех родных и знакомых. При каждой встрече – новую пару вручала. Не важно, что никто такие давно уже не носил.

– Хорошо. Научусь. Но только попробуй не надеть то, что у меня получится!

– Вот такая, Настя, ты мне нравишься намного больше. – Теперь улыбка потеплела, и взгляд уже не давил тяжестью. – Все. Я ушел. А ты не майся дурью, не страдай. Все хорошо будет.

И, о чудо! Он даже поцеловал меня в щеку, приобняв. Как всегда делал раньше. Значит, не так и плохо все. И не так уж он радовался, когда я из дома ушла...

Глава 5

Бабушка стучала спицами, не отрывая глаз от очередного сериала. При этом комментировала почти каждую фразу, звучавшую в ее любимом мыле:

– Ага. Конечно. Бандюганы – они же самые любвеобильные. Правильно. Давай, давай, отдайся ему, озолотит!

Это звучало так эмоционально, что даже я отвлеклась от воспоминаний. Интересно же, что ее так зацепило...

– Ща он тебя как отлюбит, а потом вывезет куда-нибудь в чисто поле! И будет потом драть рубаху до самого пупка, да еще с волосьями! Я ее так любил, так любил, а она меня бросила!

– Бабуль, ты что, с телевизором разговариваешь? – приснула, надеясь, что она не обидится.

– Ну, а с кем еще? С ним, иродом окаянным! Такие глупости показывают, а девчонки молодые смотрят и верят!

– Так не смотри, чтобы не расстраиваться. – Я уже потянулась за пультом.

– Вот еще! А как же я буду своим умом красоваться? – обожаю бабушку за откровенный цинизм, когда дело касается ее собственной личности. – И не надо переключать! Сейчас другое кино начнется. Там девка сразу двум отдалась. А теперь бегают и не знают, кому ребенка подсунуть. И глаза такие невинные... Дева Мария позавидует... Вот как, скажи

мне, Настя, можно сразу с двумя в постели кувыркаться, а потом ныть, что к ней плохо относятся?!

Бабуля что-то бормотала еще, совсем не ожидая моих ответов. А я думала о том, что вообще никогда ни с кем не смогу быть больше. Только с Глебом. Он был первым для меня. Обещал, что станет единственным...

– У тебя еще не было никого, да, Настя? – одними только пальцами и губами он довел меня тогда до безумного состояния. Наверное, так и выглядят оргазмы, но я еще не знала точно. Могла лишь догадываться. Мне очень понравилось, как это случилось: Глеб всего лишь за несколько секунд, парой легких умелых прикосновений заставил забыть, что нельзя кричать в этой съемной квартире с тонкими стенами и потолками. Распахнула глаза и задыхнулась от того, как полыхнуло пожаром сразу по всему телу, кончики пальцев на руках и ногах покалывало, в животе и под ним пульсировало, позвоночник дугой, словно под сильным напряжением... А Глеб всего-то грудь мою поцеловал и приласкал, слегка прикусил, а потом подул. Я выдохнула, набрала воздуха, вскрикнула от шока: читала и слышала от подруг многое, но даже близко не могла представить, каково это... И опять вскрикнула, теперь от нестерпимого удовольствия... И что-то попыталась выговорить, но не смогла: внутри все клокотало от восторга, было немного страшно даже, что не выдержу... – Дыши, Настя, дыши... А то я начну бояться...

Много раз представляла, как однажды такой вопрос мне задаст какой-нибудь парень, а я гордо отвечу, что его не касается моя предыдущая жизнь. Глупая. Смотрела Глебу в глаза и начисто забыла, как звать меня, и как оказалась здесь, рядом с ним.

– Мне нравится, как ты произносишь мое имя... – с трудом прошептала, облизнув пересохшие губы. Потянулась к нему за поцелуем, прильнула.

– Оно очень вкусное и красивое. Такое же, как ты... – Глеб решил дать мне передышку: легко водил своей ладонью по плечам, шее, спускался вниз к животу, вычерчивая окружности... Это было не менее приятно, чем раньше, но не так остро, не так будоражаще.

Мы впервые оказались в постели раздетыми за несколько недель. Он хотел меня, даже я, со своим нулевым опытом, это прекрасно видела и понимала, но не торопился. Может быть, давал привыкнуть, а может – подготавливал так умело...

– Это очень важно, да, чтобы быть у меня первым? – Улеглась на бок, прижимаясь голой грудью к его – полностью обнаженной. Тоже новый опыт, но он мне безумно понравился. Потерлась немного, приноравливаясь... Глеб зашипел, остановил, плотно обхватив руками.

– Важно то, что я тоже с таким не сталкивался.

– Боишься, что ли? – еле сдержалась, чтобы не захихикать. Всегда казалась себе юной дурочкой на его фоне. Старалась

быть умнее и старше, но выходило плохо.

– Боюсь, конечно. – Он вдруг стал очень серьезным, взгляд прожигал. – Ты же это навсегда запомнишь. Нельзя налажать, никак нельзя.

– Глеб, ты не можешь налажать. Я уверена. – Погладила его губы, подбородок, щеки. Почувствовала, как спадает напряжение, руки разжимаются и снова начинают гладить мое тело. Так, как мне нравится. Так, как я хотела...

– Это почему же? – спрашивал, приближаясь к моим губам. Почти выдохнул вопрос в них.

– Ты же меня любишь. А я люблю тебя... – И выпил ответ вместе с воздухом...

– Нет! Ты посмотри на нее, а?! – голос бабули снова подействовал отрезвляюще. – Вся такая мамаша отчаянная, ради ребенка душу дьяволу готова продать, а уже пятую серию перед мужиком задницей крутит... И про малыша – ни слова!

– Ба, давай лучше мультики, посмотрим?

– А их еще показывают, что ли?

Господи, как же я без нее столько времени прожила?

– Бабушка, я так соскучилась по тебе. – Порывисто обняла, что обычно мне было несвойственно.

– Настенька, девочка моя... А уж как я-то скучала, даже представить себе не можешь!

Глава 6

– Папа, ну, что?! – последние пару часов я провела, почти не покидая прихожую. Гипнотизировала входную дверь взглядом, бродила от комнаты к комнате, перечистила все туфли и ботинки, расставила их рядами, потом переставила по новому фэн-шую...

Бабуля пыталась меня успокоить, всеми правдами и неправдами заманивала то в свою комнату, то на кухню. Я изо всех сил старалась ее слушаться, даже на время присаживалась, но тут же срывалась с места. Отсутствие информации просто сводило с ума. А часы, висящие над входной дверью, неумолимо приближали полночь. Казалось, что сердце начинает стучать в такт стрелкам, замедляется, в надежде, что и время немного затормозит, а потом разгоняется...

Отец вошел в квартиру около половины второго. Выглядел очень усталым. Наверное, стоило поздороваться, расспросить, как день прошел, а потом уже начинать разговор о главном. Вот только из головы все вылетело, кроме одного-единственного вопроса.

– Все нормально, Насть. – Как обычно, эмоций – ноль, подробностей – еще меньше. Его привычное немногословие в тот момент показалось издевательством.

Видимо, по взгляду отец понял, что такого скупого ответа не достаточно.

– Да ты вся белая, дочь! Пойдем-ка, перекусим чего-нибудь. Накрывай на стол, а я руки помою и переоденусь. И не смей тут мне в обмороки падать! Еще чего не хватало!

Я, действительно, готова была сползти по стеночке от переживаний. Но окрик отца подействовал, как всегда: от стены отлипла, выпрямилась, на кухню пошла чинным и ровным шагом.

– Жив этот хрен с горы. – Отец категорически не хотел называть Глеба по имени. Наверное, в душе и матом обкладывал, но вслух не выражался. – И жить будет дальше.

Я подливала отцу чай, подкладывала новые бутерброды, делала вид, что сама что-то ем. Но не переставала сверлить его взглядом в надежде, что он хоть что-нибудь еще мне расскажет.

– Я же сказал, Настасья, не переживай. Разобрались мы. И к ногтю прижали этих шантажистов, и по щам им надавали. – Папа замолк на время, с аппетитом уминая очередной бутер. Только прожевав, как следует, продолжил. – Чтобы в следующий раз хорошо подумали, прежде чем лезть к моей дочери.

– Но ведь они сначала к Глебу пристали, потом ко мне... Может, у него просто не хватило денег, чтобы им отдать?

– А это уже не твоего ума дело, Настя. Меньше знаешь, лучше спишь.

– Спасибо тебе, папа! – мне плевать было на его суровый вид и сердитые слова. Очень хотелось броситься на шею и

обнять. Но... у нас так не принято. Только бабушка тискаться никогда не запрещала. Отец такого не позволял. – Я... пап, я устроюсь на хорошую работу и обязательно все тебе верну!

Он прокашлялся, словно кусок в горле встал.

– Что ты отдавать мне собираешься?

– Ну... деньги... Ты же все равно потратил сколько-то?

– Ты в своем уме, Настя? Я же сказал: с сегодняшнего дня никто никому ничего не должен. Все. Разобрались. Точка.

– Но... так ведь не бывает, пап... – была уверена, что где-то кроется подвох. Но не могла понять, в какую сторону смотреть, чтобы разобраться.

– Бывает по-всякому. Кстати. Ты сказала, что вы с этим олухом расстались?

– Он не олух! – все прошлые обиды на Глеба куда-то пропали. Вместе с радостью, что он жив и свободен, вернулись прежнее обожание и любовь. И готовность всегда вставать на его защиту.

– Какая разница? Он мне сказал, что бросил тебя. Это правда?

Потупила глаза. В таких вещах сознаваться больно и стыдно. Кому угодно, не только отцу.

– Да, – выдавила из себя еле слышно.

– Отлично. Я очень рад!

– Как это может радовать, папа?

– Обыкновенно. Тебе не нужны такие проблемные хахали.

А его по-другому нельзя назвать.

– И ты будешь против, если мы помиримся?

– Это исключено. – Отрубил. Все. Не стоит даже заикаться по этому поводу. И что дальше делать? Вдруг, Глеб захочет вернуть все назад? – И даже не вздумай идти на попятную. Если только узнаю, что ты разрешила ему приблизиться хоть на пару десятков метров...

– То что, папа? – не выдержала его театральную паузу. Не могла не спросить.

– Ему сказкой покажется то, что было вчера и сегодня. Поверь, я смогу устроить ему ад при жизни.

– За что? За то, что он любит твою дочь? – хотела добавить, что он единственный, кто меня по-настоящему любил, но не посмела.

– За то, что тебе пришлось пережить. Только за это можно стереть с лица земли.

– Но, папа...

– Молчи. Не стал ему жизнь портить только потому, что тебя не хотел расстраивать.

– Спасибо... – но он не расслышал мою тихую благодарность. Отца, похоже, несло.

– Пусть живет. Но при одном условии: вы друг друга не знаете, и никогда больше не будете знать! Ты поняла это, Настя? Мне плевать, что и как он будет делать. Главное – чтобы ты ему это не позволяла!

Он говорил еще много на эту тему. Но я уже плохо по-

нимала. Каждая новая фраза будто камнем падала. Пробивала новую дыру в моей душе. Через эти дыры утекали последние надежды на чудо и на счастье. Ведь я почти поверила, что Глеб ушел не по своей прихоти, что ему пришлось поступить так. А теперь, когда проблемы решены, он должен был ко мне вернуться. Не должен – просто обязан. Всего каких-то несколько минут я была наполнена радостью. Зря. Оказалось, что совершенно зря.

Глава 7

Наверное, надо было остановиться в самом начале. И сейчас было бы не так больно. Пережила бы разлуку, без всяких падений на дно отчаянья.

– Глебушка, прости! Мне очень стыдно! – я тогда пряталась на его груди, не рискуя поднять глаза. Хотелось умереть на месте или сквозь землю провалиться.

– Что случилось, Настя? Ты кого-то убила и плохо спрятала труп? – он, как обычно, не растерялся. Словно имел пару шуток в запасе для любого жизненного случая.

– Я не смогла признаться девочкам, что мы с тобой встречаемся! – выпалила отчаянно, снова спрятала лицо в его огромном теплом шарфе.

– А мы с тобой встречаемся? Это точно? – заставил поднять голову, посмотрел серьезно.

– А разве нет? – от стыда и следа не осталось. На его место пришли злость и растерянность.

– Это тебе решать. Если меня стесняешься – так и скажи. Только сразу определи, в чем конкретно дело. Очень многое быстро меняется. – Он улыбнулся только губами. Глаза оставались серьезными. – Только имей в виду, красить волосы, делать маникюр и прочие гадости я даже ради тебя не буду!

– Да ну тебя! Я на полном серьезе, а он вечно со своими

шуточками! – легонько стукнула по груди. На душе немного полегчало. – Просто они вечно хвастаются своими принцами на крутых тачках...

– А мы с тобой ездим на метро. В этом дело?

– И в этом тоже... – я стыдливо опустила глаза. Никогда не интересовалась разными проявлениями роскоши. И все эти крутые тачки были не нужны. Отец предлагал купить мне машину, чтобы не толкалась в часы пик под землей. Но... я элементарно боялась водить. На права сдала, как только стукнуло восемнадцать, на том мои успехи и закончились.

– Нужно, чтобы я приезжал за тобой на дорогой тачке?

– Нет. Не нужно мне этого, Глеб! Ты, главное, сам приезжай, приходи, хоть на велосипеде!

– Будет, Настя, дорогая тачка. Только придется немного подождать. Если хочешь, я на это время от тебя отстану. Только скажи. – Говорил, а сам прижимал к себе все крепче.

– Что, вот так прямо – раз, и исчезнешь? – стало любопытно даже. Неужели, это только я себе любовь неземную нарисовала? А он готов просто взять и отказаться?

– Нет, конечно. И ты от меня никуда не денешься. Просто поставим отношения на небольшую паузу. Пока я не подкачу за тобой на дорогой спортивной тачке... – говорил уверенно, а в глазах какая-то горечь разливалась, изгиб губ становился тверже, из рук уходила нежность. – Если это действительно так важно.

– Нет. Не нужно мне никаких тачек! Мне нужен ты, Глеб.

Здесь и сейчас. Такой, какой есть!

А могла бы покапризничать, заставить его взять эту самую паузу... Глядишь, ничего такого и не случилось бы. Повалили бы дурака какое-то время, а потом снова оказались вместе. Уверена, он вляпался в какую-то заварушку ради того, чтобы заработать денег. Не на тачку, так на квартиру.

Но я боялась этих пауз. Расставаясь вечером, уже через секунду скучала. Не хватало его глаз – любящих, жадных, не оставляющих меня ни на мгновение. Тосковала по его рукам, обнимающим то бережно, то крепко, до невозможности вдохнуть; по губам, по голосу, по крепкому надежному телу... Каждый раз, встречаясь с ним, я будто выходила из серой пыльной комнаты в огромный разноцветный мир. Меня встречали цвета и запахи, звуки и ощущения, о которых не догадывалась раньше. Каждое наше «пока, до встречи» снова закрывало меня наглухо в темной и безжизненной тюрьме.

Он долго молчал тогда. Рассматривал внимательно. Горячий взгляд исследовал каждую черточку на моем лице, губы даже потрогал пальцем, заставляя их невольно раскрыться.

– За что ты мне такая досталась, Настя? – хрипло спросил, а потом целовал – трепетно, нежно, словно впервые пробуя на вкус.

– За твои грехи, естественно! Если не в этой жизни, так в прошлых, наверное, очень наследил! – ответила банальностью, как только смогла внятно говорить и мыслить. Но дышала еще с трудом.

– Никогда так не говори! – даже пальцем рот мне прикрыл, словно ребенку.

– А что такого я сказала-то? – даже надулась и нахмурилась слегка. – Считаешь, наказание незаслуженное?

– Дурочка ты, Настя. – Улыбнулся необидно. – Это я тебе могу стать наказанием. А ты – мой подарок. Моя сказочная глупая девочка!

С наказанием как в воду глядел. Сначала подарил мне любовь и радость, а потом купал в безнадее и тоске. Но я в тот момент лишь старательно доказывала, что я не сказочная и совсем не глупая. Хотелось очень больно стукнуть его, чтобы так довольнo не улыбался. Стукнула и не раз, а он становился еще довольнее...

Глава 8

– Настя. Зайди, поговорить нужно. – Отец заглянул в комнату, не здороваясь, и ушел, не дожидаясь ответа.

Он привык, что я теперь все вечера проводила дома. Делала вид, что занимаюсь упорно. Правда, порою даже получалось что-то прочесть и выучить. Все остальное время просто смотрела в окно, тоскуя, мучая себя воспоминаниями.

Но самое трудное, что приходилось делать – это побеждать в себе ростки надежды. Каждое утро начиналось с мысли о том, что Глеб обязательно что-нибудь придумает и снова появится в моей жизни. Это же Глеб, у него по-другому не бывает. А к вечеру надежда затихала, и снова становилось больно.

– О чем ты хотел поговорить, папа? – зашла в его кабинет осторожно. Старалась не выдать, что снова жду от разговора чего-нибудь такого... Чуда ждала, что обманывать-то?

– Ты присядь. Говорить будем долго. Я уверен. – Смутило, что он смотрит не прямо на меня, а куда-то вниз, на дорожную ручку, что крутил между пальцами.

– Ты меня пугаешь, папа... – уюстилась в кресле напротив. Руки сложила на коленях, как первоклашка. До сих пор мучило чувство вины, что ему пришлось решать мои проблемы. А сверху накладывалась обида. Глупая и неправильная, но от этого не менее сильная.

– Ничего страшного. Не переживай. – Он выдержал паузу, тяжело вздохнул. Тем самым убеждая, что страшное точно будет. – Завтра поедem в гости к Залесским.

Мне эта фамилия не говорила ни о чем. А тон отца – настораживал.

– Зачем? И кто такие Залесские?

– Познакомлю тебя с Игорем. Его отец – Владимир Сергеевич, мой старый друг и партнер.

Я помолчала, переваривая информацию. Данных категорически не хватало.

– И не хмурь так брови, Настя. – Отец первым не выдержал. Стал суровым.

– Я не хмрую, пап. Просто понять пытаюсь, зачем...

– Затем. – Он вздохнул тяжело, выдавая, как нелегко ему самому приходится. – Никогда не думал, что придется так поступать с тобой... Но выбора не остается.

– Какого выбора, ты о чем? Какая связь между мной и этим... как его... Залесским?

– Тебе нужно выйти замуж, Настя. За Игоря.

– Что?!! – руки похолодели. По спине прокатилась противная дрожь. Я даже вопрос задала сиплым шепотом. – Ты же шутишь, правда?

– Нет, Настюш, я абсолютно серьезен. – Это его «Настюш» звучало как приговор. Не оставляло никакой надежды. Настюшей отец называл меня только в случаях, когда о чем-то уговаривал, о чем-то очень важном и полезном, с его точки

зрения, и совершенно гадком – с моей. С детства ненавидела это обращение.

– Пап, ну мы же в двадцать первом веке живем! Не в пятнадцатом! И в России, а не где-нибудь... не знаю... где еще так делают... – пыталась убедить его в глупости идеи, но слезы уже подступали, душили, не давали соображать...

– И сейчас так делают, и у нас.

– Тебе что, денег мало? Нужно увеличить состояние? Таким вот образом? Ты же говорил, что любишь меня! И что теперь?! – злость придала сил. Я уже почти кричала на отца, а ведь раньше никогда не рисковала...

– Люблю. Потому и вынужден так сделать. – Он показался очень старым и уставшим. Как будто прямо сейчас, на глазах, несколько десятков лет прибавил. – И состояние мое тут ни при чем.

– Тогда я совсем ничего не понимаю...

– Поймешь потом. Сейчас бесполезно что-то объяснять. Просто прими как данность.

– А если я ему не понравлюсь? – в том, что этот Игорь мне по душе не придется, даже не сомневалась. Он был для меня априори монстром, козлом и уродом, каких земля еще не носила.

– Понравишься. Куда ему деваться?

– А что случилось-то, пап? Ты можешь мне нормально рассказать?

– Пока еще ничего, Настюш. – Опять это «Настюш». Ре-

зануло так, словно физическую боль причинил. – И лучше бы, чтобы не случилось.

– И вот с такими пояснениями ты хочешь отдать меня замуж за незнакомого человека? – как будто в бабушкином сериале снимаемся, честное слово... Говорила, а сама не верила, что в такой бредятине участвую.

– Я все тебе расскажу, постепенно. Пока что хватит и этой информации. Ложись спать, дочь. Утро вечера мудренее.

Глава 9

Спать он меня отправил... Интересно, сам-то верил, что я смогу сомкнуть глаза после таких новостей?

Не было сна, не было никаких ясных мыслей. Снова накрыли воспоминания, такие болезненные и такие сладкие...

– Глебушка, пожалуйста, милый... Я больше так не могу! – сама не узнавала голос, которым его упрасивала. Устала уже от пытки ласками, которые доводили до сумасшествия, но так ни разу и не закончились тем, чем должны. Глеб знал каждую клеточку моего тела, не только на ощупь, но и на вкус – облизал, искусал, исцеловал не единожды. Я себе не позволяла таких откровенностей, многого стеснялась... Бывало, и глаза закрывала, когда руки и губы до него добивались. Вот рукам и губам было фиолетово на мою девичью скромность и стыд.

– Чего не можешь, маленькая?

– Если ты сейчас не доведешь начатое до конца, я просто свихнусь! – притянула его лицо к себе вплотную, так, что лбами стукнулись. – Ты разве не знаешь, что женщинам очень вредно ходить неудовлетворенными?!

– А ты разве женщина уже? – Гад несносный. Даже в такой ответственный момент умудрился пошутить.

– Твоими стараниями, так и останусь девочкой еще лет

на десять! – Лежала, придавленная его весом. Жаль, что не стояла – могла бы хоть ногой притопнуть. – Ты долго еще собираешься тянуть?

– Ты так сильно уверена, что этого хочешь? – уже не шутил. Смотрел пристально. А в глазах заворачивалось нечто... Как будто страдавший от жажды путник родник впереди увидел... Кадык дернулся, Глеб тяжело сглотнул.

– Нет, блин! Просто так, поиграться сюда прихожу. Люблю, знаешь ли, чтобы меня завели почти до обморока, а потом домой отправили! – говорила сердито, а сама уже проваливалась в густую темноту его глаз. Что-то еще хотела выкрикнуть, речь-то заранее готовила, да вот забыла, потерялась...

– Настя. Я тебя хочу до одури. Темнеет перед глазами, как сильно хочу. – Он привстал на локтях, обнял мое лицо ладонями. Говорил и с трудом сглатывал, черты лица как будто заострились. – Но ты понимаешь, что назад дороги не будет?

– Я все понимаю! Прекрати мне зубы заговаривать, Глеб!

– Какая ж ты еще глупенькая у меня, Настя! – хриплый шепот ласкал не хуже, чем его обветренные губы.

– Какая есть. Другой уже не стану. И просить не стану больше, я тебя предупредила!

Глеб рассмеялся сипло. Пробормотал что-то на тему распущенной молодежи, а потом сорвался – с места в карьер.

Все, что до этого мне казалось безумием, померкло. Он доводил меня до самой грани, заставлял замирать в ожида-

нии чуда, но разрядку не позволял. Отпускал ненадолго, заставляя хныкать и безвольно сжимать колени от отчаяния, и начинал игру по новой.

– А сейчас потерпи немного... – шепнул на ухо, когда уже было непонятно: сколько можно еще терпеть-то? Обхватил руками, обвил так, что я вся, от задницы до затылка, лежала на его руках, губы закрыл поцелуем, выпил дыхание. И вонзился. Дикая боль, как будто на раскаленную иглу насаживают. Я дернулась и замерла. Боялась пошевелиться. Боялась, что заору и его испугаю. Знала же, что так бывает. Но очень надеялась, что пронесет, и мой первый раз окажется сладким, как в самых розовых сопливых романах. Не пронесло. Мы лежали вдвоем, будто спаянные, и оба боялись дышать.

Боль начала потихоньку отступать. Становилась не такой острой. Я пошевелинулась и зашипела, словно ошпаренная.

– Тише, тише, маленькая... Не торопись никуда... – Резкое движение – и мы уже больше не спаяны. Снова боль, я зажмурилась, стиснула зубы, чтобы не закричать. Не таким я себе это волшебство представляла...

Через очень долгое время поняла, что лицо зацеловывают теплые нежные губы, собирают с щек влагу... Надо же, блин, расплакалась, а так хорохорилась, так настаивала... Потихоньку начала оттаивать в горячих объятиях, расслабилась.

– И что дальше? Будем еще пробовать? – рискнула посмотреть в глаза. Сумасшедшие от беспокойства.

– Умом тронулась? Куда тебе еще-то? – даже в этой ситу-

ации он умудрился улыбнуться.

– Ну, тебе же, наверное, надо... – не смогла вслух высказать про разрядку.

– Мне уже ничего не нужно, Настя. Угомонись. Думал, свихнусь, пока ты тут лежала и дрожала.

– А как же... ты-то ведь можешь продолжать? С тобой ничего не случилось?

– Я похож на садиста, Насть?

– Нет. Нисколько... – Вдохнула, пытаясь устроиться поудобнее. Так, чтобы неприятные ощущения хоть как-то сгладить. – Прости, Глеб, пожалуйста... – погладила его по плечу.

– Это за что это, поясни?

– Ты ведь тоже переживаешь... А я так настаивала.

– Ну, теперь ты просто обязана выйти за меня замуж! Я ж такие муки принял...

– Конечно, обязана. А что ты думал, я просто так тебя соблазняла, что ли?

– У тебя отлично получилось. – Пристальный, очень взрослый взгляд. Поцелуй, почти целомудренный, в губы, потом в скулы, брови, глаза... Снова всю зацеловывал. – Спасибо тебе, малыш, за такой подарок. Ты, главное, не передумай.

– Я никогда не передумаю! Мы обязательно поженимся! Только универ закончу, хорошо? Раньше меня папа просто не отпустит!

– Как скажешь, моя хорошая. Как скажешь, так и будет!

Глава 10

– Ты еще не готова, дочь? Я же тебя просил... – Папа окинул хмурым взглядом мой прикид. Ему не очень понравилось увиденное. Значит, не зря старалась, выбрав для первого знакомства свой самый невзрачный свитер и джинсы. Ноль косметики, волосы в обычной косе.

– Почему же? Готова. Могу одеваться, пора выезжать, я так понимаю?

– Настя... – похоже, хотел выдать порцию нотаций, но передумал, махнул рукой. – Ладно. Там, все равно, никого не будет, кроме нас. И так сойдет. Одевайся и выходи. Жду тебя на парковке.

Он ничего не говорил по дороге. У меня были сотни, тысячи вопросов, но не было понимания – с чего начинать? Как разговаривать, чтобы снова в истерику не скатиться?

– Пап... Может быть, ты мне что-нибудь расскажешь? – все-таки, решилась. Зашла издалека.

– О чем, дочь? У меня был тяжелый день. И вечер нелегкий намечается.

– Хм... А у меня будет сплошное развлечение, да? Познакомят с каким-то мужиком, как корову с племенным быком. Волноваться-то не о чем...

– Для твоего блага, между прочим.

– Для какого такого блага, пап? Как можно в наше вре-

меня выдавать замуж, ни о чем не спрашивая человека? Я что, не имею права как-то влиять на собственную жизнь? Вообще-то, я совершеннолетняя! – постепенно повышая голос, почти перешла на крик.

– Свое право на решения ты уже прос... профукала. – Отец умел выражаться крепко, но при мне сдерживался. Считал, что не должна привыкать к такому обращению. Привыкну – потом и другим мужикам прощу всякие гадости. А Глеб ни разу не сказал мне ни одного плохого слова. Если не считать известия об уходе.

Снова скатилась в воспоминания, плохо слышала, о чем там втирает папа. Смутно понимала, что речь о шансе, который был дан мне с Глебом.

– Ты сделала выбор сама и прекрасно видела его последствия. Хочется повторить? Чтобы в следующий раз я уже тебя вытаскивал из гаража, помятую и избитую? О чем-то еще и подумать страшно!

– Пап, ну ведь я же никогда раньше не давала тебе поводов сомневаться! – вспыхнула. Это было мое больное место: как ни старалась угодить, отцу всегда было мало. Моих оценок, всегда отличных, моего поведения, всегда примерного... Я даже готовить научилась лет в десять, когда ровесницы еще играют в куклы. Папу радовать хотела. А он запретил приближаться к плите. Это, мол, опасно. Еще и бабушке влетело за то, что моим прихотям потакает.

– Это было детство, Настя. Детям легко быть послушны-

ми и примерными. А вот проверку взрослой жизнью ты не прошла.

Мне уже не хотелось ни о чем его спрашивать. К кому привезут, с тем и будем знакомиться. Хоть к зайцу ушастому, хоть к уроду трехголовому. Да и лучше, наверное, самой определить, что там за человек, по своим ощущениям, не испорченным отцовским мнением.

Большой дом в элитном районе. Никогда не бывала в эти местах, но все здесь кричало о богатстве и роскоши. Примерно так же, как в поселке, где была наша дача. Понятно. Мне подобрали женишка «из своего круга». Осталось понять, кто из нас выгоднее и круче – невеста или жених?

Чем ближе мы подходили к дверям, тем хуже мне становилось. До этого еще казалось, что такое невозможно. Со мной – уж точно никогда не случится. Но вот, пожалуйста, словно сучку на случку, меня привезли к какому-то Залесскому Игорю.

– Денис! Наконец-то! Мы уж с Игорьком решили, что вы сегодня не доберетесь до нас! – Прямо в дверях высокий крепкий мужчина сграбастал отца в медвежьи объятия. Похлопал по спине, радостно посмеиваясь, потом отпрянул так же резко, как до этого – накинулся. Глаза, внимательные, колючие, холодного серого оттенка, уставились на меня. – А это, стало быть, Настенька? Невестка будущая?

Меня передернуло от этого «Настенька». И так не люблю эту форму своего имени, а в его исполнении совсем уж гад-

ким показалось.

– Здорово, Володь! Да, это моя Настасья. – Предупреждающий взгляд на меня. Правда, о чем хотел предупредить – я не поняла. – Настя, это – Владимир Сергеевич. Отец Игоря. – И твой будущий свекр, запоминай!

Я нервно сглотнула. Этот будущий свекр мне совсем не понравился. С самого первого взгляда.

– Очень приятно с вами познакомиться. – Жаль, что нельзя было сказать правду.

– Игоряха, иди сюда! – он крикнул куда-то вглубь дома. – Тут невесту твою привезли! Показывайся!

Не знаю, чего я ждала. То ли жирного карлика с залысинами, то ли тощего очкастого ботаника, то ли косоглазого индюка... Ну, не может такого быть, чтобы нормальному парню искали невесту по договоренности! Явно, какие-то проблемы у него, не иначе!

Навстречу нам вышел мужчина. Красивый. Высокий. Статный. Такой, на которого любая моя ровесница пустила бы слюни до колена. И я бы пустила, если бы уже не любила Глеба. Значит, с умом или психикой проблемы... Иначе я просто не могла понять, что его заставило согласиться.

– Добрый вечер. Денис Александрович... – кивок в сторону папы. – Анастасия, я так понимаю? – пристальный взгляд на меня.

Все нормально у парня. И с внешностью, и с мозгами, и с психикой. Ему идея женитьбы тоже не нравилась. Он одним

своим взглядом об этом рассказал. Таким, которым на расстрел отправляют.

Глава 11

– Ну, вы тут поворкуйте, голубки. А мы с Денисом пока на серьезные темы поговорим. – Владимир Сергеевич бодро прихватил отца за плечо и уволок куда-то.

Мы остались вдвоем с моим будущим мужем. Только мысль о том, что этот незнакомый мужчина скоро должен стать мне... Господи! Такое даже в страшных снах не снилось!

– Ну, что стоишь, как неродная? Снимай куртку, проходи. Не век же нам здесь топтаться? – Игорь показал жестом, куда пристроить верхнюю одежду, не дожидаясь, пока разденусь, пошел вслед за нашими отцами.

Наспех сбросила пуховик, почти вприпрыжку последовала за ним. Совсем не улыбалось остаться одной в незнакомом доме, а потом бродить в поисках живой души.

Залесский привел меня в огромную гостиную, разделенную на несколько зон. Выбрал самую уютную – с диванами и камином. Снова жестом показал мне место, куда присесть, сам устроился напротив.

Всеми «добрыми» словами, которые знала, я помянула отца: как он мог вот так меня бросить с этим человеком? Ладно, решил отдать замуж насильно... Так ведь можно это обставить хоть чуточку покомфортнее для меня?

– Заполни вот эту анкету. – Игорь подвинул ко мне целую

кипу распечатанных листков и ручку. – А это возьми себе и изучи на досуге.

– Что это такое? И зачем? – перед глазами плыло, не могла разобрать ни слова из того, что там было написано.

– По официальной версии, мы очень давно знакомы. И должны знать друг о друге самые мелкие нюансы. Прошрое, настоящее, любимые имена кошечек, фильмы, которые смотрим вместе...

– Игорь... Скажите, зачем вам это...все? – развела руками, пытаюсь объяснить хотя бы жестом, что имела в виду.

– Затем, что нам будут задавать очень много вопросов. Нельзя ни в чем проколоться и показать плохую игру.

– Это до меня дошло, слава богу. Я о другом. – Запнулась, наткнувшись на все тот же холодный, внимательный взгляд. Словно на какую-то лягушку под микроскопом. – Зачем вам на мне жениться? Вы же, наверняка, можете сами себе найти хорошую жену! Такую, какая вам нравится!

Усмешка искривила его губы. Презрительная такая...

– А ты что, не можешь себе мужа найти, раз папенька так пристраивает?

– Могу, конечно. Только он моего мнения не спросил...

– Конечно. В бизнесе это не важно. Есть договоренности, выгодные для всех. И для тебя, как я понял, тоже.

– Я не знаю, в чем моя выгода. Но знаю, что так нельзя делать! – Я искренне надеялась, что своей пламенной речью смогу его переубедить. – Ведь в семье должна быть лю-

бовь, романтика, взаимные интересы, наконец! Нельзя губить свою молодость и жизнь только ради бизнеса!

– Сколько тебе лет, девочка? – он бесцеремонно прервал меня прямо в середине фразы. Так резко, что я забыла, о чем хотела сказать. Только беспомощно закрыла рот и хлопала глазами. Надеялась, что хоть так смогу удержать подкатывающие слезы.

– Девятнадцать...

– Понятно. Ребенок. – Он откинулся на спинку дивана, все так же небрежно разглядывая меня. – Но ничего, с возрастом поумнеешь, попроще станешь...

– Да что вы говорите такое?! Я – совершеннолетняя, и имею право сама распоряжаться своей жизнью! И не собираюсь «взрослеть», как вы это называете!

Залесский расхохотался. Обидно до жути. Смеялся он точно надо мной.

– С тобой будет не скучно, подозреваю. – Вмиг посерьезнел, собрался. – Только учти, вот эту всю романтическую ересь даже не смей произносить при посторонних! Для всех ты – безумно влюбленная в меня девчонка. Я – мечта всей твоей жизни. Вот как первый раз с горшка слезла, меня увидела, так и влюбилась. Поняла?!

– У меня есть любовь всей моей жизни... – пробормотала из чистого упрямства, смотря на свои сжатые до боли кулаки. – И это не вы, к счастью.

– Охотно верю. Даже почти сочувствую. Но тебе придется

об этом забыть. Поняла меня, Настя?

– А что, у меня есть выбор?

– Нет, конечно. Заметь, его нет ни у кого. Просто некоторые, особенно долбанутые на всю голову, искренне верят в его наличие. Я надеюсь, что придется жениться на адекватной девушке, а не с дыркой в черепе.

– Я вам тоже не нравлюсь, правда?

– Во-первых, давай на «ты». Причем, постарайся произносить это с правильным, восторженным придыханием. Во-вторых, что значит «тоже»? Ты в меня влюблена. Запомни. Никаких «тоже не нравлюсь».

– А вы...ты... – я совсем потерялась, подбирая слова. – Согласно легенде, ты тоже в меня влюблен?

– Естественно. Для distinguished публики Игорь Залеский – парень, который имеет право и возможность жениться на ком угодно, хоть на кухарке или полумойке. Главное, чтоб любовь была! – это звучало, как фраза из дешевой пьесы. Чересчур театрально и наигранно.

– Тебе тоже не дали, да? – внезапно проснулось сочувствие к этому человеку. Словно среди насквозь фальшивой музыки прозвенела одна лишь чистая нота, и она меня зацепила.

– Мне? Не дали? Да я тебя умоляю, Настя. Кто мне может не дать? Если очень захочу, и ты начнешь на шею вешаться...

– Я не об этом. Тебе не дали жениться, да? На полумойке или кухарке, которую ты любишь?

– Я никого не люблю. – Слишком резко, чтобы быть правдой, но было бы глупо настаивать на обратном. – И жениться тоже не собирался. Но, как видишь, оказалось, что очень и очень пора.

– И как мы будем жить-то? С такими отношениями?

– Обыкновенно. Квартира уже куплена. Сейчас ее приведут в порядок. Ну, ремонт, мебель, техника...

– Мы будем жить в твоей квартире?

– Там ты будешь жить.

– А я?

– А я... посмотрим. Пока еще не решил.

Наверное, стоило порадоваться хоть этому. Но отчего-то стало еще грустнее.

Глава 12

Весь вечер прошел в таком же настроении: мне все время казалось, что Игорь просто снисходит до меня, как до какой-то уличной попрошайки. До такой степени надоело унижаться, что прекратила задавать вопросы, достала телефон и бессмысленно бродила по сети. Спроси меня кто-нибудь, что видела или читала, я бы растерялась.

– Папа, неужели у тебя так все плохо с делами? – не выдержала, спросила, как только мы отъехали от этого злосчастного дома.

– С чего ты взяла, Настя? – отец был спокоен, как удав. Только бровью повел, показывая, что слегка недоволен моим вопросом.

– Судя по поведению «жениха», – протянула как можно язвительнее, – меня ему навязали. И он совершенно не счастлив был видеть меня. Получается, что этот брак выгоден только тебе...

– Всем. – Внушительно отрезал. – Этот брак выгоден всем нам, Настя. И эту тему мы больше не обсуждаем.

– Но он же вел себя, как последняя сволочь, пап! Как будто уборщицу какую-то беседовал, а не будущую жену! Это же... ты понимаешь, как это унижительно? – последнюю фразу почти прошептала.

– Ну, а кто тебе не дает вести себя так же? – Холодный

голос отца отрезвил. – Сделай вид, что это ты к нему снизошла, а не он к тебе. Пора взрослеть, Настя. Раз уж начала играть во взрослые игры раньше времени – принимай их правила и соответствуй.

– Ты знаешь, пап... По-моему, ты прямо с рождения моего требовал, чтобы я повзрослела. А теперь, так вообще, отличный повод от меня избавиться... – наверное, это звучало жестоко и несправедливо. Но я не смогла удержаться.

– На первый раз я сделаю вид, что ничего не слышал. Но больше такого не прощу. Поняла меня, Настя?

– Поняла. – Выдержала паузу и, все-таки, спросила о том, что меня терзало. – Неужели у меня вообще нет шансов отказаться, а? Ты по-другому не сможешь свои дела устаканить?

– А я, между прочим, твои дела решаю, а не свои. И думаю о твоём будущем и безопасности.

– Сажаешь на поводок, чтобы больше не сорвалась?

– Строю забор вокруг тебя покрепче. Ощущаешь разницу?

В чем разница между цепью и забором, я мало понимала. Но углубляться дальше в тяжелый разговор не стала. И без того было больно и гадко на душе. И веры не было в эти разговоры о защите.

Не о такой семейной жизни я мечтала. Ни о поводках, ни о заборах там речи не было.

– Я не могу больше так жить, понимаешь, Глеб? – я рыда-

ла на его груди, после того, как разругалась с отцом и громко хлопнула дверью, уходя. Покидала в сумку только самое необходимое и ушла. Меня никто не останавливал. Но слова, которые отец кричал во время ссоры, не давали спокойно дышать и жить.

– Настя, все семьи переживают кризисы. У вас тоже, наверное, такой настал. – Он нежно гладил меня по волосам, успокаивая и убаюкивая. – Скорее всего, твой отец не готов к тому, что ты повзрослела.

– Нет! Он всю жизнь мечтал, когда же я стану взрослой!

– Это тебе так кажется, Насть... – Иногда казалось, что Глеб старше меня не на пять лет, а на все пятнадцать. Таким он выглядел мудрым и рассудительным. – А на самом деле, родители никогда не готовы отпускать своих детей в свободное плавание.

– Ты что, оправдываешь его? Защищаешь? – я вскинулась возмущенно. Даже слезы на время высохли. – Хочешь сказать, что я не права? Может, еще вернуться нужно, прощения попросить?

– Я не хотел бы, чтобы ты ссорилась с отцом. Это твоя семья, все-таки... – Для Глеба слово «семья» значило не меньше, чем для меня. И даже больше, наверное... Он потерял отца в шестилетнем возрасте, когда уже помнишь все и тоскуешь безумно. А потом и мама его ушла, когда он учился на последнем курсе универа.

Я, со своими претензиями к абсолютно живым и здоро-

вым родителям, казалась полной дурой на его фоне. И каждый раз, начиная жалобы, осекалась... Мне есть, на кого жаловаться и с кем спорить. Глебу – уже не с кем.

– Я хочу, чтобы у нас с тобой была семья. Нормальная. Счастливая. И чтобы дети в ней не страдали от того, что их не любят! – не удержалась, выпалила. То, что было пределом моих мечтаний. Что представляла себе каждый раз, думая о будущем.

– Так и будет, конечно. Даже не сомневайся! – он снова притянул меня к себе, улыбаясь, словно малому ребенку. – Нарожаем с тобой целую кучу, будем всех любить. И все будем счастливы.

– Обещаешь?

– Да. Обещаю. Но наши с тобой планы никак не должны влиять на отношения с твоей настоящей семьей.

– Нет. – Я уже почти успокоилась и могла говорить внятно. Пересела с его коленей подальше. – Ты даже не представляешь, что он говорит о тебе, Глеб!

– И пытаться не буду... – он усмехнулся. – Но в этом сложного ничего нет: сирота без роду, без племени, нищий недавний студент. Пытается склеить юную, красивую, богатую невесту. Все на поверхности, и я все понимаю.

– Но он же не знает ничего о тебе! Как так можно, делать выводы, только на одних догадках?

– А что твой отец, да и не только твой, может еще обо мне знать? Он имеет полное право так рассуждать.

– Но ты же, блин, талантливый! Сегодня нищий, а завтра твои проекты будут продаваться за бешеные деньги! – Я узнавала у знакомых и друзей, сам Глеб ничего не рассказывал: у него, действительно, были гениальные задумки и решения в области программирования. Еще в универе ему завидовали однокурсники и даже препода. Но для раскрутки нужны были деньги, связи и время.

– Вот завтра, когда эти деньги у меня появятся, и стоит ждать, что твой отец подумает иначе. А сейчас пока смешно и глупо об этом говорить. Знаешь, сколько по миру бродит непризнанных гениев? Я не хочу казаться одним из них.

– А пока ты мне предлагаешь вернуться домой и подождать? Так, что ли?

– Нет, конечно. Я очень рад, что ты пришла ко мне. Больше не нужно прятаться и тискаться в подъездах. Придется квартиру отдельную поискать, но это дело времени.

– Глеб, ты действительно, не против, что я буду жить с тобой? – прошептала недоверчиво. Одно дело – сгоряча хлопнуть дверью и уходить из дома в никуда, другое – успокоиться и понять, что твой любимый мужчина может быть и не готов к такому повороту.

– Настя, я счастлив. Правда. Просто мне не нравится, что я не успел к этому подготовиться. Нужны минимальные условия, чтобы тебе комфортно было.

– Я потерплю, не переживай. – Ощущение эйфории уже начинало накрывать с головой. Я буду рядом с Глебом, кото-

рый любит меня просто так, не за мои успехи и послушание, не за какие-то невероятные заслуги, а за то, что я существую на свете. Такая вот, не очень правильная, Настя Астафьева. И не придется каждый день смотреть в глаза отцу и видеть в них вечное неудовлетворение. Наверное, тоже тем, что я существую.

Глава 13

– Настенька, я чай свежий сделала! С твоими любимыми оладушками! – бабушка заглянула в дверь комнаты, аккуратно постучавшись перед этим. – Пойдешь со мной, составишь компанию?

Бабуля переживала за меня, это и понятно: внучка вернулась домой после нескольких месяцев отсутствия, и ходит теперь сама не своя. Отец ей, похоже, ничего не сказал о своих планах выдать меня замуж. Наверное, пожалел. А может, просто не посчитал нужным, с него станется. У меня же язык не поворачивался, чтобы хоть слово вымолвить. Казалось, пока никто, кроме нас четверых, об этом не знает, все еще понарошку, и все еще можно отменить. Ну, и страшно было, что бабуля будет волноваться. В ее возрасте и с ее здоровьем это просто опасно.

Надо было как-то собраться с духом и начинать строить из себя счастливую влюбленную. Чтобы потом весть о замужестве не показалась ей странной. Отец сказал, что можно пока не спешить – они с Залесскими еще готовят документы и обсуждают нюансы, но нужно быть готовой. Ощущала себя вещью или животным, которое хозяин вырастил, выдрессировал, а теперь планирует продать подороже. Гадкое и обидное состояние. Надо было бы психануть, бороться, доказывать свое право на свободу и независимость... Но суровая

правда жизни в том, что никакой независимости не было у меня. И провальная попытка самостоятельной жизни с Глебom это очень хорошо показала.

Отец, словно читая мои мысли, не раз об этом напоминал. Вбивал в мою голову мысли: «Не рыпайся, Настя. Делай то, что тебе скажут, и всем от этого будет лучше. А лимит на желания ты исчерпала».

– Спасибо, бабуль. Я лучше подремлю... Как-то ничего не хочется... – Я лежала, закутанная в плед до самого носа, не желая даже шевелиться. Навалилась такая апатия, которую даже мой здоровый юношеский аппетит не мог побороть. И оладушки я люблю очень, но сейчас даже мысль о них вызывала приступы тошноты.

– Роднуля моя, у тебя ничего не болит? – бабуля присела на край кровати, тревожно потрогала мой лоб, потом прикоснулась губами, прямо как в детстве. – Температуры нет, вроде бы... А есть отказываешься. Что случилось, Настёна?

– Душа болит... такое бывает, знаешь? – выпалила, не подумав. А ведь я не хотела тревожить ее.

– Ох, и ты туда же! – ба всплеснула руками. – Когда набраться успела-то?

– Чего набраться? – Я даже привстала немного, так удивилась.

– Так, вот... Сериал-то мой любимый... Название запоминать, все похожие друг на друга, как один... То ли «сестра брата», то ли «дочь отца», в общем, родня сплошная, а

посмотришь – и вовсе не родня. – Бабушка задумчиво нахмурилась. – Неважно. В общем, эта родная сводная приемная по трем мужикам пробежалась, пришла к четвертому. Ребенка ему родила, он ее кормит-поит, а ей все не нравится. Душа, понимаешь, болит!

– Ну, может, и правда, ей с ним плохо живется?

– Да с каких это пор душа в трусах-то обитает, Настенька моя хорошая?! Это когда она туда переместилась? Куда ни глянешь, что у бабы, что у мужика – сплошные зажималки по углам, так это от спермотоксикоза боли-то! Причем здесь душа?

Тут уже я возмутилась:

– Ты меня что, с этими своими героинями сравниваешь, ба?

– Нет, Настюш, ты что! Нет, конечно же... Просто сильно по сердцу шкрябнуло сегодня, вот и вспомнила не к месту...

– Ба, прекращай уже смотреть эту ересь. Неужели на ста сорока каналах не найти ничего хорошего?

– Вот еще! Я тоже хочу быть современной! И буду смотреть, что все смотрят!

– Ну, ты фильтруй, пожалуйста, где выдумка, а где правда... И на меня не перекладывай все это.

– Не обижайся, моя хорошая... Брякнула бездумно... – Она погладила меня по голове своей теплой сухонькой ладошкой. Захотелось ластиться и прижиматься, будто котенку. Так мне этой ласки не хватало всегда... – Ты есть-то будешь?

– Ну, пойдем, попробую... – Выползла из своего кокона, решительно опустила ноги на пол. Есть совершенно не хотелось, но... Бабушка старается, заботится, нельзя отказывать.

Я снова сидела, заперев дверь в свою комнату и со страхом смотрела на несколько цветных упаковок. Тесты для беременности. Разные фирмы, разная стоимость у каждого... Но каждый обещает девяносто девять процентов верных результатов... Очень хотелось бы, чтобы они все показали отрицательный. Что-то подсказывало, что будет иначе.

Тошнота подкатила к горлу, как только увидела любимые оладьи на столе. С трудом удержалась, чтобы тут же не сбежать в туалет. Но разве можно такое творить перед бабулей? А если ее инфаркт прихватит? Она же не переживет еще одного внепланового ребенка в семье...

Глава 14

Первый выход в свет со своим будущим мужем... Как-то не так я себе его представляла. И сам выход, и муж был другой на месте Залесского.

Меня опять мутило. Но теперь уже не от беременности. Как только тесты показали уверенное «да» – где словами, где полосками, тошнота отступила моментом, словно ее и не бывало. Только звон в голове остался, да полная пустота. А сегодня мутило от волнения, от ощущения, что моя жизнь кардинально меняется, а я словно стою в стороне и просто за этим наблюдаю. Так себе переживание, если честно...

– Значит, смотри... Сегодня будут самые близкие. Тренировка перед большим выступлением, так сказать. – Игорь Залесский меня инструктировал, сидя в огромном отцовском кресле, в отцовском же кабинете. Он неплохо смотрелся там, не отрицаю. Но у меня вызывал только стойкую антипатию. – Постарайся сменить выражение лица. Никому не выгодно, чтобы окружающие знали твое отношение к нашему браку. Невинная овечка на заклании мне тут нафиг не нужна. Понимаешь?

– Да. – Выдавила короткий ответ, не имея сил сказать ничего больше.

– Это все, что ты можешь сказать? – на его невозмутимом лице только желваки дернулись. Явно, мой ответ не пришел-

ся по вкусу.

– А что ты хочешь услышать от меня, Игорь? – он уже начал порядком раздражать. – Чтобы я от счастья прыгала? Вешалась тебе на шею, облизывалась исподтишка?

– Теоретически, это было бы идеально. – Он либо не заметил сарказма, либо качественно притворился.

– Извини, но ты не в моем вкусе! – не сдержалась, выплюнула. Даже как будто легче стало, и морально, и физически.

– Не поверишь, но у меня такая же фигня! – Игорь неожиданно расхохотался. – Но я же не смотрю на тебя, как на главного врага народа? Вот и ты постарайся, пожалуйста.

– А ты попробуй со мной разговаривать не как с нищенкой, просящей на паперти, а видеть во мне человека! – ну, надо же, я должна постараться... Зачем, кто бы сказал?

– Ну, извини... – Залесский почесал кончик носа и даже как будто смутился. – Профдеформация. Привычка со всеми дистанцию выстраивать...

– Ну, так и начни с себя! Хотя бы сделай вид, что меня не презираешь. А потом проси, чтобы смотрела с обожанием и любовью. Я что, так сильно похожа на идиотку, чтобы растекаться рядом с парнем, который ни во что не ставит будущую невесту?! – меня уже, кажется, понесло. Злость – плохой советчик. Но зато хороший друг, когда нужно выйти из эмоционального ступора. Залесский меня разозлил. Пусть теперь сам на себя пеняет!

– Слушай, я был неправ. Извини. – Он удивил. Ожидала в

ответ какую-нибудь гадость, а получила извинение. Вполне себе такое искреннее, человеческое. Я даже на время забыла, что хотела ошарашить его новостью о своем положении. Так, чтобы закончить этот фарс всерьез и навсегда. – Спасибо, что вовремя остановила.

– От того, что я тебя извиню, что-то изменится?

– Ну, давай, для начала хотя бы друзьями станем. Так будет проще держать отпор перед всеми...

– Игорь, можешь хоть ты мне что-то объяснить? Я не могу дружить с человеком, который не говорит мне самого важного...

– Да ничего тут сложного нет, Настя. – Он словно ослабился, стал больше похож на нормального человека. И взгляд немного оттаял.

– Ну, кому как...

– Твоему отцу нужны связи, поддержка, защита. Моему нужны деньги на расширение бизнеса. И вот тут они нашли друг друга.

– А что, без нашего насильного брака эти интересы нельзя совместить? Как же корпорации-гиганты объединяются? Там тоже кто-то обязательно на ком-то женится? А если в обеих семьях сыновья? Боюсь представить даже, на что им приходится идти...

– Знаешь, там тоже разные нюансы случаются... И если ты вникнешь, хотя бы немного, в то, как в нашей стране строятся империи, то поймешь – везде замешаны родственные свя-

зи. Семьи. Без этого никак. — Он нес ахинею, достойную дешевого сборника фэнтези или какой-нибудь желтой газеты.

— Ты сейчас всерьез или издеваешься?

Залесский неожиданно покинул такое удобное кресло, обошел стол, встал напротив меня, опираясь задницей о столешницу.

— Настя, я не имею права вываливать на тебя все подробности. Придется просто поверить: за твоего отца не станут впрягаться друзья моего. Просто так не станут. А вот когда мы окажемся родней, все изменится.

— Смахивает на мафиозные правила... Вы каких-то фильмов пересмотрели?

— А ты думала, твой папенька весь такой чистый и незапятнанный? И нигде с криминалом не связан? — Игорь смотрел сверху вниз, подавляя и ростом, и взглядом. Будто букашку разглядывал.

— Я ничего не хочу знать об этом! — хотелось по-детски закрыть глаза и заткнуть уши. Я понимала, что в нашей стране честный бизнес — это из разряда сказок и вообще, моветон... Но старалась жить, не думая об этом. И без того проблем хватало.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, Настя!

— Господи, как же вы мне все надоели с этой фразой! — я все-таки спрятала лицо в ладонях. Хорошо хоть, раскачиваться не стала.

— Ну, прости. Тебе уже сколько годков? Девятнадцать? — я

лишь кивнула в ответ, говорить ничего не хотелось. – Пора уже, дорогая, пора...

– Что пора? Обливаться грязью, к которой не хочешь иметь никакого отношения?! Это пора?

– Не преувеличивай. Твоя задача – правильно сыграть свою роль, отбыть повинность на свадьбе в качестве невесты, а потом сиди себе дома, занимайся чем хочешь, никто тебя никуда не планирует вмешивать...

– А притворяться невестой – это не грязь? Если не любишь человека, и ничего о нем даже не знаешь – это нормально, по-твоему?

Залесский усмехнулся, пожал плечами.

– Ну, если тебе так будет легче, узнавай меня, можешь даже влюбиться... Кто ж тебе запрещает?

– И как я должна это сделать?

– Например, вот так...

Не успела понять, что случилось, как этот нахал потянул меня за руки, дернул на себя, а уже через секунду – целовал. Нагло, напористо, уверенно... Даже отвечать не требовалось, он все делал сам. А я только руками по его груди колотила, пытаюсь вырваться. Залесский в ответ лишь перехватил меня покрепче и поближе к себе прижал.

– Вот! – отметил с удовлетворением, оглядывая меня. – Теперь можно не придумывать, чем мы так долго занимались все это время!

Глава 15

– Пойдем, нас там уже заждались! – Он потянул меня к выходу, не спрашивая ни мнения моего, ни разрешения.

Страшно было даже представить, как я выглядела в тот момент. Только чувствовала, что щеки горят, а волосы, собранные в приличный пучок, растрепались. Несколько прядей упрямо лезли в лицо, как я ни пыталась их убрать.

– Мне нужно хотя бы в туалет зайти, привести себя в порядок! – Топнула ногой, пытаюсь хоть немного притормозить быстрый шаг этого нахального гада.

– Не нужно. Ты выглядишь просто великолепно. Не то, что бледная недотрога полчаса назад. – Залесский продолжал надо мной издеваться, заставляя бежать разгоряченную кровь еще быстрее.

– Прекрати! Я не хочу, чтобы все подумали...

– Ты не хочешь, а надо. – Он прервал меня в середине фразы. – Если уж ввязалась в эту историю, будь добра – играй на полную катушку. Чтобы не освистали за плохое умение.

И тут же, не давая даже передохнуть, Залесский вытолкнул меня в какое-то огромное помещение. Людей там было не так уж и много, но они были. И почти все, как один, уставились в нашу сторону.

– Анастасия Астафьева! Моя невеста! Прошу любить и жаловать! – Залесский постарался, чтобы обернулись все.

Даже те, кто не заметил нашего появления в начале.

Тут же бесцеремонно обхватил меня за талию, прижал к себе плотнее, чем я позволяла кому-нибудь, кроме Глеба, и повел в центр. По дороге не забывал улыбаться, здороваться, кому-то меня представлять... Я смотрела на все эти лица, даже не пытаясь их запомнить: перед глазами стояло одно мутное пятно.

– Смотри хотя бы на меня, если на остальных не можешь. – Мой «жених» выбрал момент и зашептал на ухо, делая вид, что это у нас такие милые нежности. Волосы даже, для вида, поправил. Одну руку с талии так и не убрал. Не покидало ощущение, что я задыхаюсь от этой навязанной близости. А когда он прижался губами к виску – и совсем плохо стало. – Сойдет за то, что ты стесняешься, но глаз от меня отвести не можешь. Не надо всем показывать, как ты сейчас несчастна. Все усилия насмарку пойдут.

Я подняла глаза на него, как и просил. С надеждой, что получится испепелить одной лишь силой взгляда.

– А если они пойдут насмарку? Вы от меня отстанете?

– Вот еще... – Игорь наградил меня такой нежной улыбкой, что захотелось прокашляться. Чересчур это было неожиданно. – Придется менять легенду. Скажем, что я тебя обесчестил, жениться меня заставили... Ближе к правде, конечно, да только никому не выгодно.

– Зато честно! – я все так же прямо смотрела на него. Надеялась хоть немного смутить, стереть с его лица эту наг-

лую, притворную улыбку. Ну, нельзя же вот так притворяться нежным влюбленным, и при этом шантажировать меня! Это что за человек такой, ненастоящий?

Теперь он просто развернул меня к себе, закрыв от всех спиной. Может, и к лучшему: не стоило видеть окружающим, что у нас происходит.

– Ты хочешь выглядеть в чужих глазах жертвой? Дурочкой, которую сначала затащили в постель, а потом захотели бросить? И замуж взяли только потому, что папочка заставил?!

– Нееееет... Я вообще никак не хочу выглядеть! Я не знаю здесь никого, какое мне дело, что они подумают обо мне и наших отношениях?

– Настя. У тебя два варианта: либо счастливая влюбленная, либо обманутая дурочка. Все. Больше ничего не остается. И я могу притворяться довольным женихом, а могу – несчастным, которого ведут под венец на аркане. Правда, спасибо нам за это отцы не скажут. И мне это тоже не очень приятно.

– Господи... Как вы меня достали все... Хоть в монастырь иди...

– Я тебя сейчас опять целовать начну. При всех. – И он, действительно, взял меня за подбородок. И явно прицеливался к моим губам.

– Ты что, с ума сошел?

– Вот. Теперь опять на лице заиграли краски. Я доволен. –

По его наглой роже растеклась улыбка сытого кота.

– Ты – подлый манипулятор! – Руки чесались, чтобы захватить ему по лицу. Но постеснялась.

– И ты в меня влюблена. Помни об этом, детка, помни! Или придется целоваться... Выбирай!

– Гарри, и как же ты прятал от нас такую красотку? Разве так можно? – нашу милую беседу прервал мужской голос. Залесский напрягся, прямо на глазах превращаясь из довольного котяры в собранного, опасного хищника. Медленно, словно нехотя повернулся к собеседнику, позволяя и мне посмотреть на мужчину, что решил нам помешать.

– Алексей Петрович, приветствую! Знакомьтесь, это Настя. – Игорь качественно притворялся. Похоже, только я и заметила его напряжение пару секунд назад. – Настя, это Алексей Петрович Воронов, друг нашей семьи и партнер по бизнесу.

Алексей Петрович разглядывал меня с нескрываемым любопытством... Как неизвестную науке мышку разглядывает студент-энтузиаст. Возможно, что мне показалось, но в самой глубине его глаз затаилась неприязнь. Но мне в тот день и так очень многое казалось.

– Очень приятно познакомиться... – только и смогла мяукнуть в ответ.

– А это – Мила. Дочь Алексея Петровича и моя подруга с самых ранних лет.

– Мила я только для своих. А вообще-то – Людмила. –

Вот Мила-Людмила даже не скрывала, что я ей очень не нравлюсь. Категорически. Она презрительно морщила носик, поджимала губы, явно чем-то уже подкачанные, жеманно отвернулась, накручивая на белую палец прядь наращенных волос. Фифа обыкновенная, у нас на курсе таких немало. Но обычно я с ними не пересекалась – поводов не было, а тут, нечаянно, заслужила откровенную неприязнь. Знать бы еще, чем... Ревность жуткая? Или она просто держит за чепуху всех, кто не так же тюнингован?

– Ну, считай, что Настя – теперь тоже своя. Поэтому ты для нее будешь Милой. – А Игорь, оказывается, не только со мной ведет себя, как настоящий поганец. Этой подруге детства тоже достался холодный тон и высокомерный взгляд.

В какой серпентарий я вляпалась? Вернее, зачем отец меня сюда забросил?!

– Если Людмиле приятнее слышать свое полное имя, я так и буду ее называть. Зачем настаивать? – решила, все-таки, свои пять копеек вставить. В конце концов, меня как невесту показывают, а не как собачонку или дорогую игрушку. Имею право подать голос, даже не по команде.

– Да мне, вообще-то, пофигу... Ладно, пойдем, пап. Надо еще с толпой людей пообщаться. – Поразительно: у нее и ногти накладные, сделанные по последней моде девяностых – длинные, острые, ярко-красные. Такими можно, как вилкой, есть из тарелки и пальцы не запачкать. Вот этими стилетами девица впиалась отцу в локоть и утащила куда-то.

– Это что, вообще, было такое? – Я даже слегка успокоилась, и мое возмущение по поводу происходящего немного улеглось. Так удивление ошарашило. – Мне уже пора бояться за свою жизнь и здоровье?

Игорь в этот момент отвлекся: он что-то читал в телефоне и хмурился, покусывая нижнюю губу. Даже на человека стал похожим.

– Что? – Вскинул непонимающий взгляд.

– Я говорю, эта твоя подруга с пеленок меня не укукошит где-нибудь, прямо своими ногтями?

– Ты про Милку, что ли? Забей! – он отмахнулся, как от чего-то, не стоящего внимания. – У нее мания величия прогрессирует. Все мужики в округе должны падать к ее ногам. А если кто-то не упал, значит, гей или импотент. А я, как видишь, ни туда, ни туда не попадаю.

– Значит, я для нее конкурентка? – Может быть, Игорь не замечал чего-то, но мне в поведении Милы показалось слишком много личного, а не просто нелюбовь ко всем девушкам в округе.

– Нет. Забей. У нее есть парень. И она забудет про тебя, как только потеряет из поля зрения.

И я постаралась забыть. Изо всех сил притворялась, что все происходящее мне по душе. Когда уже кончались силы, делала вид, что стесняюсь... В общем, создала у людей впечатление, что у Дениса Астафьева выросла какая-то закомплексованная дурында, а Игорь Залесский, какого-то хрена,

на эту дурынду запал. Экзотики захотел, не иначе.

И все бы ничего, уже можно было бы смириться с ситуацией... Но не покидало ощущение, что спину сверлит чей-то настойчивый взгляд. Я оглядывалась несколько раз, пытаюсь поймать, кто же на меня смотрит. Даже на Людмилу подумать успела... Но она быстро попрощалась и свалила, оставив отца прохладиться дальше. А взгляд никуда не делся.

– Ты слишком напряжена, Настя. Понимаю, что устала, но надо еще немного продержаться... – К Залесскому уже привыкла, как к неизбежному злу. Он не отпускал меня ни на секунду. Даже к моему отцу подвел на время, а потом увел обратно. Словно боялся, что я папеньку тут же и придушу. – Выпей шампанского, что ли... Скоро уже все закончится, так что пару глотков можно – развезти не успеет.

– Мне нельзя шампанское. – Выпалила, не задумываясь.

– Это еще почему? – Он нахмурился. – Проблемы со здоровьем? Твой отец не давал никакой инфы на эту тему.

– Я беременна. – Вот и славненько. Вот и сказала. А так бы еще два месяца собиралась, пока уже все не станет очевидно.

– Очень интересно...

Глава 16

Если я рассчитывала, что Игорь отвернется и сразу делает вид, что вообще меня не знает (а я на это очень надеялась), то зря. На его лице отражалась напряженная работа мыслей, но не сказала бы, что парень сильно расстроился.

– Кто еще знает? – это был первый вопрос после недолгого раздумья.

– Пока никто. – Пожала плечами. – Тебе рассказала первому.

– За что такое доверие? – Он нагнулся поближе ко мне. – Даже отец ребенка не в курсе?

– Ты первый, с кем хотела это обсудить. Отец ребенка, скорее всего, вообще никогда ни о чем не узнает... – Я очень старалась, чтобы в голосе не проскользнула горечь – мои личные беды Залесского не должны касаться – но не сдержала, вышло как-то слишком печально.

– Вот и замечательно! Значит, будет шикарное объяснение, почему мы с тобой так торопимся сыграть свадьбу! – Он только что в ладоши не прихлопнул от радости.

– Но... как так-то? – Этот человек умудрялся меня поражать каждые полчаса. Я ожидала совсем другого. Ни в одной анкете из выданного мне ранее вороха не было указано, что у Игоря Залесского есть такие странности. – Это же не твой ребенок будет! Зачем тебе жениться?

– Пффф... Ты до сих пор рассуждаешь, как наивный ребенок, Настя. Хотя, как я понимаю, давно уже не ребенок... Пора уже менять взгляды на жизнь, моя драгоценная будущая жена! – Неприятные слова сопровождались милыми, полными нежности взглядами. Время от времени Игорь оглядывался по сторонам и улыбался окружающим. Отменная актерская игра!

– Тебя не смущает, что придется жениться на женщине, беременной от другого? – Мне показалось, что если произнести эту фразу как-то по-новому, до Игоря дойдет ее смысл, наконец-то. Ошибалась.

– Нет, не смущает. – Он был тверд, уверен и спокоен. – После того, как я решил жениться на практически незнакомой женщине, меня вообще ничего не смущает.

– И ребенок будет носить твою фамилию и отчество? – хотела напугать его, но больше пугалась сама, осознавая. Я хотела, чтобы у моего малыша была фамилия Ольховский или Ольховская. И отчество от имени Глеб, а не Игорь.

– Ну, а что такого в этом, собственно? Ты бы предпочла быть матерью-одиночкой? И чтобы у детеныша был прочерк в свидетельстве, вместо имени отца?

– Да. Я бы предпочла именно такой вариант! – ответила твердо и уверенно.

– Мда... А совсем недавно мне показалось, что ты умнее, чем пытаешься выглядеть...

– А что в этом глупого? – Я начала заводится. – Ну, вот у

меня по документам есть мать и отец. А толку? Только обида на то, что я своей живой маме совсем не нужна!

– Ну, будет теперь и на отца обида, как я понимаю. – Не понять, шутил он или был серьезен. – В общем, Настя, прекращай истерику. Новые данные, конечно, поменяют весь наш план подготовки, придется вносить коррективы в документы...

Залесский задумался на какое-то время. Судя по всему, просчитывал и вспоминал, что именно придется изменить. Я затихла. Всей душой надеялась, что вот сейчас он наткнется на какое-нибудь препятствие в своих замыслах, и вся эта дурацкая история со свадьбой закончится.

– Извини, пытался на ходу сообразить, на что это повлияет, но лучше завтра, на свежую голову, покумекаем с отцом и адвокатами. Но могу одно сказать: ты меня обрадовала.

– Очень жаль... – я понурила голову. Даже скрывать не стала, как он меня расстроил.

– Ты бы радовалась, что от тебя никто не требует делать аборт... – он смотрел то ли жалостливо, то ли ласково.

– Что?! Да как.. Да... Тебе как такое, вообще, могло прийти в голову?! – Я даже дар речи на мгновение потеряла. Само это слово страшное пугало до одури, а уж тем более – из его уст.

– А что такого? Думаешь, твой папенька не потащил бы тебя в больницу, сразу, как узнал об этом? Если бы я, например, оказался против? – В этот момент Залесский показался

мне очень жестоким и циничным чудовищем. Он так откровенно усмехался, что стало не по себе.

– Нет! Никогда! Он бы ни за что на это не пошел! – Я не могла рассказать Залесскому, что когда-то отец не отправил маму избавляться от ребенка. Значит, и меня никогда не отправит. Я в этом была уверена на сто процентов...

– Хочешь, проверим? Сделаем вид, что я против женитьбы на беременной? Посмотрим, что твой старик скажет? – Он был предельно серьезен. Даже тени улыбки на лице не мелькало. – А через пару дней сообщим, что мы передумали, и готовы принять тебя такой, какая есть.

– Зачем тебе все это, я не понимаю?! – глаза открывались все шире, от изумления и ужаса.

– Чтобы ты, наконец, поняла, в каком мире живешь и с кем общаешься. И перестала верить в сказки.

– Это не сказки. Это мой родной папа! И даже не смей обсуждать его в таком тоне!

– Ха! – Игорь по-настоящему расхохотался. – Твой родной папа активно тебя подкладывает под меня. Вернее, под связи моего фазера. И ты до сих пор ожидаешь от него чего-то хорошего?!

– Не знаю... Я уже ничего не знаю... – У меня резко и сильно разболелась голова. Захотелось куда-нибудь спрятаться. От Залесского с его речами, слишком похожими на правду, от отца, от себя... От понимания, как сильно и глубоко я вляпалась. Жаль, до конца не известно – во что и куда.

– Ты как-то сильно побледнела... – донесся голос Игоря, наполненный такою искренней заботой, как будто это не он говорил мне гадости пару секунд назад. – Учитывая твоё положение... Пора тебя домой отправлять. Пойдем-ка в кабинет, подождешь там. А я твоего папандера отыщу.

Он уже вел меня в сторону какой-то двери, даже не спрашивая согласия, при этом очень бережно, почти нежно, придерживал за талию.

– Игорь, пожалуйста! – схватила его за руку, уже когда он усадил меня на диван, подал стакан воды и планировал смыться.

– Что? Тебе еще хуже? Рядом побыть?

– Нет. Не говори пока отцу ничего. Я сама... как-нибудь...

Мы снова ехали с отцом в автомобиле, возвращаясь из дома Залесских. Только в этот раз вел не отец, а наемный водитель. Папа строжайше соблюдал правило: пьяным за рули никогда и ни за что. И это правило играло мне на руку сейчас: никаких личных разговоров было не завести, мы оба прекрасно понимали, что сейчас в салоне есть лишние уши.

Отец позыркивал из-под бровей, но ни о чем не спрашивал. Не знаю, что ему там наплел Залесский, но он достаточно быстро пришел за мной, усадил в машину и увез.

У меня была передышка, чтобы подготовиться к важному разговору... Я и раньше уже думала над тем, что и как сказать, и уже была почти уверена, что смогу правильно подо-

брать слова, повлиять на решения отца и на свою судьбу. Но речи Залесского очень сильно сбили с толку. И теперь оставалось только гадать: насколько он прав в отношении моего отца. Неужели, посторонний человек лучше знает папу, чем я? И что за человек воспитывал меня все это время, если я в нем так жестоко ошибаюсь?!

– Что случилось, дочь? Говори сразу. Я ни за что не поверю, что Залесский из-за какой-то мелочи ломает весь четко продуманный план. – Он повел меня в кабинет сразу же, как оказались дома. Даже переодеться в комфортную одежду не позволил.

– Я сказала ему, что беременна. – Выпала с ходу. К черту полетели все мои заготовки и придумки. – Потом мне стало не очень хорошо, и он решил отправить меня домой. С тобой, конечно.

– И зачем ты ему это сказала? – Отец сверлил меня взглядом, нервно постукивая пальцами по крышке стола. Я сидела перед ним на стуле, словно школьница, сложив руки на коленях. Почему-то у нас всегда так складывалось.

– Потому, что он имеет право об этом знать!

– Так это правда? – недобрый прищур словно просканировал меня, от макушки до пят. Словно мог насквозь просветить и убедиться, нет ли в моих словах обмана.

– Да.

– Кто отец?

– Пап, за кого ты меня принимаешь?! – это звучало унизи-

тельно в его устах. — Я не шлюха, чтобы спать с кем попало!

— Откуда я знаю, чем ты занималась, когда дома не жила...
— бросил небрежно. Тем самым приравняв меня к настоящей шлюхе.

— Собственно, да... Если ты решил продать меня подороже, то стоит ли ждать уважения...

— Так ты не ответила, кто отец?

— Глеб. Кто еще-то?

— Отвратительно. И что ты собираешься делать? — это было так больно, что слезы текли сами собой, как ни старалась их сдерживать.

— Рожать, конечно. Какие могут быть разговоры?

— Рожать она собралась... Не знаю... Посмотрим, что скажут Залесские...

Больше я не слышала ничего. Не помню, как добралась до комнаты. Полночи рыдала, не успевая переворачивать подушку, чтобы хоть немного просохла... Игорь оказался прав: отцу абсолютно пофигу на меня, на мои желания и эмоции, а про маленького человека, что уже растет внутри, ему и по-давно фиолетово.

Только под утро пришло решение, когда слез не осталось, а на месте души зияла какая-то черная глубокая дыра. Есть же еще один выход! И он, уж точно, будет не хуже, чем сидеть и ждать новых указаний от того нелюдя, которого я привыкла звать папой...

Глава 17

Будь у меня возможность – я бы связалась с Глебом. Плюнула на все обиды и претензии, забыла о том, как он бросил меня, ничего не объясняя... Он имел право знать о своем будущем ребенке. И, уверена на сто процентов, никогда не отказал бы в помощи. Даже если разлюбил – не отказал бы.

Но Глеб сменил номер телефона. Удалил аккаунты в соцсетях и мессенджерах. Пропал. Исчез. Перестал существовать, как будто бы. Порой в голову приходили страшные мысли: а вдруг, действительно, он совсем исчез?! Но я их тут же отгоняла. Словно где-то ощущала: Глеб жив. Может быть, не все у него хорошо, но он жив, и от этого становилось спокойнее. Жаль, что фактически для меня это ничего не означало: где бы он ни был, а попросить его о помощи я не могла.

Но зато оставалась еще... мама. Да. Только в самом безумном бреде могло прийти в голову, что я когда-нибудь сама ей напишу. Или позвоню. Да как угодно выйду на связь. Это было просто не-воз-мож-но. До последнего дня – нереально.

У меня был номер ее телефона. Не записан ни в одной телефонной книге – я просто помнила его наизусть. Что поделаешь, если память на цифры такая? Я знала все ее профили во всех соцсетях, иногда листала фото, с какой-нибудь левой страницы, чтобы следов не оставлять. Но ни разу в жиз-

ни я сама не позвонила ей и не написала. Лишь отвечала на ее редкие звонки по праздникам. Отец говорил, что так надо, для приличия. Бабушка поддерживала. Не могла им отказать.

И сейчас мои пальцы подрагивали, когда набирали первое, простое и такое сложное «Привет». Вот так, обычный «привет», без всяких обращений.

«Девочка моя! Здравствуй! У тебя что-то случилось?» – ответ прилетел тут же. Я не ожидала, что она не спит в такое время.

«Все хорошо. Спасибо». – Мне так плохо стало от ее «девочка», что тут же пожалела о своем порыве. Хотела стереть, вообще, историю переписки и тут же все заблокировать. Но не успела.

«Я знаю, что-то произошло. Ты никогда не писала мне первой, Настюш»

«Ничего страшного. Просто захотелось»

«Настенька, можно, я тебе позвоню?!»

«Нет. Лучше здесь». – Не смогла бы сейчас вслух ничего произнести. К горлу подкатывали новые рыдания.

«Хорошо... Давай здесь тогда. Почему ты не спишь, доченька?» – Станный вопрос. Сама-то почему не спит в пять часов ночи?

«Я хочу переехать к тебе. На время»

«Господи... Вы поругались с отцом? Что случилось, Настя? Напиши, пожалуйста, я очень волнуюсь»

Строчки ее новых сообщений всплывали с какой-то бешеной скоростью, и от каждой веяло тревогой... Даже на секунду поверилось, что настоящей.

«Мне можно приехать? На месте все расскажу»

«Конечно. Какие вопросы! В любой момент, моя девочка»

Черт возьми! Где она раньше была со своими «моя девочка», «Настенька», с этим вот всем? Почему, когда мне хотелось прижаться к кому-нибудь, чтобы обняли и приласкали, никого рядом не было? Даже бабушка была далеко, когда я была совсем маленькой... А отец был способен только сообщить, что плакать глупо и не по-взрослому. Мне и сейчас опять хотелось разреветься от обиды, но... Не та ситуация и время.

«Завтра возьму билет. Или послезавтра. Нужно пару вопросов еще решить»

Мама скинула мне адрес и свой номер телефона.

«Ты мне обязательно напиши, когда поезд или самолет. Я встречу»

«Спасибо. Пришлю» – не было смысла играть в самостоятельность. Я бы заблудилась в Москве без посторонней помощи. Никогда столицу не любила.

«Может быть, тебе нужны деньги? Ты скажи, я вышлю! Или, если хочешь, билет тебе куплю и вышлю по электронке?!»

Было гадко и противно от этого ее стремления угодить. Где ты раньше была с этим стремлением, мама? Почему нуж-

но было попасть в самую крайнюю задницу, чтобы получить твою показную заботу и внимание?

«Нет. Спасибо. С этим сама разберусь»

«Что я еще могу сделать для тебя, моя хорошая?»

«Пока ничего. Хотя... удали переписку, на всякий случай». Возможно, это паранойя. Но после того, как отец нашел квартиру, снятую Глебом, не спросив адреса, я готова была поверить во все.

«Жаль...»

«Почему?»

«Боюсь, что потом буду думать, что мне это все показалось»

«Не будешь. Я завтра скан билета пришлю»

«Я буду очень ждать, Настенька!»

«Хорошо». На этом удалила все и вышла из сети. Больше сил не хватало смотреть на слова, насквозь пропитанные фальшью. Но... на безрыбье и рак рыба. Будем терпеть. Куда деваться?

Глава 18

Найденный выход словно придал мне сил. Хотя я и с трудом представляла, что буду делать дальше, когда к матери перееду. Но лучше оказаться там, в неизвестности, чем здесь, в очень определенной и неприятной реальности.

С гудящей от недосыпа головой и на ватных ногах собралась кое-как, с трудом позавтракала. Есть не хотелось совершенно, но ответственность перед маленьким человечком оказалась выше моих желаний. Отца уже не было дома. Бедолага... Наверное, ни свет, ни заря, почесал к Залесским, договариваться.

Думала, сложнее всего будет получить справку у гинеколога – там же, наверняка, всякие анализы и обследования потребуют. Ан нет. Пара минут осмотра и довольный вердикт: беременна, без сомнений. Правда, срок не смогли определить: врачу нужно было заключение УЗИ, а я... Просто не смогла вспомнить, с какого момента у меня началась задержка. Слишком много событий навалилось, чтобы думать об этом. Врач смотрела на меня, как на очередную бестолковщину. Обидно, что я таковой и оказалась. Но вожаемая справка о том, что я беременна, была у меня на руках.

Несколько часов в деканате, беготня, необходимая для оформления академки, и все – я свободна! От учебы, конечно, не от своих проблем.

Билет покупала на вокзале, в обычной кассе. За наличные. Снова ощущала себя героиней какого-то дешевого детектива: делала все, чтобы никто не смог вычислить мои действия по карте.

Не ожидала, что в середине дня дома окажется отец. Обычно он возвращался ближе к ночи.

– Настя, где ты бродишь? Почему я должен тебя искать?! – это вместо приветствия и интереса, как я себя ощущаю. Мог бы спросить, хотя бы для приличия.

– Ходила к гинекологу после универа.

– Батюшки! Настенька, ты не заболела? – Бабушка подкралась незаметно. Я не хотела ей ничего рассказывать. Самое сложное было придумать – как так уехать, чтобы она сильно не волновалась. А теперь ведь станет переживать еще острее.

– Нет, бабуль. Беременность – не болезнь. Слышала такую поговорку?

– Ох, ты, горяшко мое... Настенька! – Бабуля кинулась ощупывать и осматривать меня так, словно я должна вот-вот брякнуться и умереть.

– Ну, почему же горяшко, бабуль? Новая жизнь – это ведь счастье. Разве не так?

– Это, Настюш, ответственность. И большая работа. На всю жизнь, между прочим. – Она как-то мигом посерьезнела, даже насупилась. – Вон, сына вырастила, тебя теперь, а работы никак не убавится! Это только в кино вашем ду-

рачком идиотки с пузырями порхают, словно бабочек нажрались, сразу видно – ни одна еще ни разу не родила! Иначе б совсем по-другому снимались!

– Мам, давай, оставим на время эти разговоры? Ты со своими сериалами скоро последний ум потеряешь! – Отец, до того молчавший, вмешался в нашу беседу.

– А что я не так сказала? Им, вон, напоказывают, как это все легко и сказочно: подушку к животу привязали, побежали с ней, а потом рррраз – и милый пухляш на ручках! Вот потом молодежь и залетает пачками, все думает, что это легко и просто...

– Так, Настя, пойдем. Мама, потом проведешь воспитательную беседу. Только вот, кажется, мы с ней слегка опоздали.

Понурую и пристыженную, отец потащил меня в кабинет. Уселся за стол, как обычно, мне указал на мое «виноватое» место. Мы всегда так общались, когда разговоры велись серьезные, как правило, о моих ошибках и грехах.

– Я говорил с Залесскими. Они не против ребенка...

– Ну, надо же, какое счастье! А если бы были против, то что? – Я вскинулась мигом, пораженная тем, как мой, всегда независимый и гордый, отец легко подчинился чужой воле.

– То пришлось бы думать, что с этим делать... – он ответил расплывчато, но и этого мне хватило.

– Папа. Скажи. В какой момент я перестала быть твоей дочерью и превратилась в какую-то разменную монету?!

Он поднял на меня тяжелый взгляд, не обещающий ничего хорошего. Раскаяния или хоть капельки жалости там не было, а я мечтала, что смогу достучаться...

– Ровно с того момента, как ты решила, что тебе дороже какой-то подонки с улицы. Ты сама все сделала для того, чтобы изменить мое отношение, Настя.

– Но ты же мне помог? Зачем? Если считал, что я больше никто для тебя? Надо было все так и оставить!

– Не делай из меня большего уродка, чем я заслуживаю, дочь. Ты наворотила дел, а мне приходится их расхлебывать. – Его голос звучал устало, но все так же твердо. – Чтобы выйти из этого дерьма с наименьшими потерями, понимаешь?

– А рассказать мне подробности – не судьба? Чтобы я хоть немного представляла, что происходит?

– Меньше знаешь – лучше спишь. Просто слушай меня и делай то, что сказано!

– А если не стану?

– Значит, документы оформим без тебя. Это просто делается. А ты будешь сидеть под замком, пока не одумаешься. Если тебе нравится такой вариант – сегодня же и начнем.

Я молчала. Пыталась понять, что случилось с папой. Каким бы он ни был жестким и требовательным раньше, я никогда не замечала за ним настолько тиранских замашек. И я его любила, несмотря ни на что. А сейчас смотрела в родное лицо и не понимала: что это за человек? Откуда он взялся?

– Молчишь? Значит, не нравится. Вот и отлично. Будешь слушаться – никто ничего насильно тебе не сделает. Залесские готовы принять твоего ребенка, как своего. Но с условием, что ему не достанется ничего из имущества, которым вы с Игорем будете обладать.

– А мне ничего не нужно от него! Обойдусь, как-нибудь!

– Ну, и дура! – он рывкнул так, что даже рамки фотографий на столе задребезжали, кажется. – Что ты будешь делать, со своим пузом, когда останешься без денег, без жилья, без работы? Без помощи, когда от тебя все откажутся? Ты себе, вообще, представляешь, как весело живут нищие студентки, ставшие матерями-одиночками? Кому ты нужна, без моего влияния и денег?

– Бабушке точно нужна... – брякнула, не подумав. Что первое на ум пришло, то и сказала.

– У бабушки тоже ничего нет. Зато есть целый список дорогих лекарств, которые она принимает каждый день. Хочешь, чтобы она без них осталась, отдавая тебе последнее? – Он выдержал паузу, давая мне время осмыслить все, что уже наговорил. – Ну, так куда ты пойдешь, если от всего откажешься?

Он словно загонял меня в угол своими жесткими словами. Так, чтобы никакого выхода не оставалось.

– К маме пойду! – кинула с вызовом и тут же осеклась. Зря я это ляпнула, ой, зря! Сейчас ведь догадается обо всем...

Но папа, вместо этого, расхохотался.

– Ой, не могу, насмешила! – он даже слезинку в уголке глаза утер. – Ты ей одна-то нафиг не сдалась. А теперь еще в подоле притащишь... Настя, я делаю скидку на твое состояние, конечно. Но ты меня расстраиваешь. Думал, ты умнее.

– Ну, ошибся, как видишь... Где-то недосмотрел в моем воспитании...

– Ладно. Все это мелочь и ерунда. Давай ближе к делу. – Он внезапно собрался, даже позу принял другую – более деловую и строгую. – Я тебе сейчас расскажу, что мы будем дальше делать. А ты слушай и запоминай. И больше ни шагу, ни шагу – слышишь? Ни шагу не смей шагнуть без моего ведома и разрешения.

Он долго описывал свои планы, уточнял, как и с кем я должна себя вести, куда ходить, что и кому говорить... Убеждал, что так только лучше для меня и моей же собственной самооценки...

А я слушала, будто в тумане. Рассматривала свои руки, сжатые в кулаки, и мысленно отсчитывала часы до поезда. Пусть говорит, что угодно, как хочет пугает меня мамой... Она меня бросила когда-то, но уж никому не пыталась продать. И вряд ли заставит выходить замуж, чтобы отделаться...

Глава 19

Бабуля поджидала меня. Кто бы сомневался, что просто так она не оставит это шикарное известие, и мне покоя не даст, со своими расспросами и нравоучениями.

Я быстро прошмыгнула в комнату, мечтая о том, чтобы переодеться в домашнее и лечь побыстрее. Разговор с отцом как будто все силы забрал.

– Внученька, ну, что же ты? Зачем ты молчала? Почему не сказала мне сразу, как поняла? – бабулю невозможно было отвлечь никакими хитрыми маневрами. Она проскользнула в комнату следом за мной.

– А что бы изменилось от этого, ба? – Я стянула свитер и уставилась на нее в упор. Страшась и, одновременно, готовясь к новому разочарованию. Как-то их многовато выпало на мою долю в последнее время. – Успели бы вовремя сделать аборт? Ты об этом?

– Ох, ты, горяшко! Откуда у тебя такие дурные мысли? – она всплеснула руками, как будто даже искренне. – Настенька, разве ж я когда-нибудь могла тебе такое посоветовать?

– Судя по монологу, который ты выдала, ничего лучше я бы не услышала от тебя. – В целом, конечно, бабушка была права: я совсем не думала о том, что с рождением ребенка появится новая ответственность, что моя жизнь изменится, очень сильно и навсегда. Другие заботы и волнения одолева-

ли. Но при всей ее правоте, мне хотелось поддержки и внимания, хотя бы от нее, а не гневных возмущенных проповедей.

– Ну, прости! Я ж сначала возмутилась, по привычке, а потом уже сообразила, что это все не про кино и книги, а про тебя уже. – Бабуля присела рядом, приобняла. – Как же ты, горюшко мое, так попасть умудрилась?

– Ну, как, как? Бабуль, ты у меня спрашиваешь, как дети получаются?

– Ершистая ты стала, Настасья... – Ба вздохнула, погрузнела. – Но это гормоны, наверное, будем думать, что они виноваты.

Сказать бы ей, кто виноват в моей ершистости и отвратительном настроении... Так нельзя: ей и одной новости на сегодня хватит, по самую макушку.

– Так кто отец-то хоть, говоришь? – Умные глаза, добрые и проницательные, и не важно, что взгляд теряется за толстым стеклом очков.

– А я не говорила, вообще-то. Это тебе что-то показалось.

– А то я сама не пойму! Глеб этот твой, получается, тебя не уберег? Чтобы ему, ироду, собаки все лишнее пооткусывали! – Она погрозила сухоньким кулачком куда-то в пространство.

– Не говори так! Мы оба участвовали. Мне ведь ты не желаешь, чтобы собаки отъели что-нибудь?

– Он мужчина! Старше тебя! Должен был думать, к чему

все ведет...

– Бабуль, я сама хотела от него ребенка... – устало погладила ее по руке. Не было сил что-то доказывать и спорить. – Так что, незачем всю вину на Глеба перекладывать.

– Так он же тебя бросил, Настя! Должен был думать о последствиях, когда бросал?

– Мне сложно понять, о чем он думал. Мы и не поговорили толком тогда...

– Да и Бог с ним, пусть его совесть страдает. Мы уж, как-нибудь, поднимем, вырастем и воспитаем. Правда, Настена?

– Ну, меня же вырастили как-то... Даже без мамы... – Чего было больше в моих словах – грусти, признательности или сарказма – и самой не понять.

– Девочка ты моя... Зато твой малыш будет точно с мамой. Правда? – Бабушка улыбалась, но через силу. Ей тоже эта тема нелегко давалась. Очень хотела спросить, как же так вышло-то... Но не смогла. Что-то не давало задать ей самый важный в моей жизни вопрос. – А что врачи? Не сказали, кто будет, девочка или мальчик?

– Еще рано, бабуль. На таком сроке не говорят.

– Вот же, гадские киношники, а! – Ба опять взмахнула руками. – А я-то, дура старая, все верю, что наука дошла до такого, когда чуть не в момент зачатия пол определяют! И бегают потом, кричат: я беременна твоим сыном, как ты мог? Как ты мог?

– Бабуль, ты бы прекращала, все-таки... Отец когда-ни-

будь отключит тебе кабельное. Что будешь делать?

– Ха! Что я, отсталая? Посмотрю на телефоне! Или еще, вот, книгу почитаю. Сейчас их много в интернетах развелось, не хуже сериалов. Только такие же все странные...

Она неисправима. Человек с двумя высшими образованиями, с огромным опытом работы среди интеллектуалов, пал жертвой современных мыльных опер. И готова подставить голову под плаху таких же книг. Ничего. Рожу ей правнука или правнучку, заберу с собой, и некогда ей станет заниматься ерундой.

Осталось только придумать, как уйти из дома, чтобы отец не понял, куда и зачем, а бабушка не очень страдала при этом...

Глава 20

Чтобы не вызвать подозрений, пришлось выходить из дома так, словно я собралась в универ, а потом возвращаться, якобы за какой-то забытой вещью. В сумку собрала все самое необходимое, вот ее-то вынести, не привлекая внимания, было сложнее всего. Но я выбрала момент, когда бабушка увлеклась своим самым любимым сериалом и позабыла обо всем на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.